

A close-up portrait of Saoirse Ronan with red hair styled in curls, wearing a dark red dress and a light-colored, textured headband. She has a serious expression and is looking slightly off-camera. The background is dark and out of focus.

История любви и смерти
на фоне Великой депрессии

ЛЮБИМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

ЭМИ ХАРМОН

Эми Хармон
Любимый незнакомец
Серия «Романы Эми Хармон»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427756
Любимый незнакомец/ Э. Хармон, Перевод с английского Марины
Бендет: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2023
ISBN 978-5-00211-201-2*

Аннотация

1923 год, Чикаго. Родители десятилетней Дани Флэнаган погибли при загадочных обстоятельствах. Тогда офицера Майкла Мэлоуна заставили замолчать и дело быстро закрыли.

Пятнадцать лет спустя в Кливленде происходят убийства при схожих обстоятельствах. Дороги Дани и Майкла вновь пересекаются. Теперь сомнений нет: в городе орудует маньяк.

Содержание

Пролог	6
1	22
2	40
3	64
4	86
5	101
6	118
7	134
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Эми Хармон

Любимый незнакомец

*Посвящается реальному Майклу Мэлоуну и всем
тем, чьих имен никто никогда не узнает*

*Любимые не могут умирать, Мбо любовь –
бессмертие.
Эмили Дикинсон*

Это выдуманная история.

Все имена, личности, места, события и факты в ней
– вымысел или плод воображения автора.

AMY HARMON
The Unknown Beloved

Перевод с английского *Марины Бендет*

Оригинальное название: The Unknown Beloved

Text Copyright © 2022 by Amy Sutorius Harmon

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon

Publishing, www.apub.com in collaboration with Synopsis
Literary Agency.

Cover design by Laywan Kwan

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Пролог

ЯНВАРЬ 1923 ГОДА

Мама спала, чуть слышно похрапывая, словно в горле у нее что-то тихо вскипало. Дани погладила ее по щеке. Мама устала, потому что они с папочкой ругались всю ночь напролет. Ссорились, обнимались, целовались, дрались, снова ссорились. В последний раз папочка слишком долго не возвращался, и мама тревожилась, без конца мерила шагами комнату и до крови сгрызла кожу вокруг ногтей. Ногти она никогда не грызет. Ногти у нее красивые, она их красит для папочки. И губы тоже. Мама любит папочку. Папочка любит маму. Тетка Зузана говорит, что они слишком любят друг друга. Зато сама тетка Зузана папочку не любит. Она говорит: «Он дурак».

Папа не нравился ни одной из маминых теток. Тетка Ленка говорила, что он слишком красивый, а тетка Вера – что от него одни неприятности. «Бери Даниелу, Анета, и возвращайся в Кливленд», – убеждали они маму. Тетки вырастили маму, и она привыкла их слушаться. Но когда они говорили такие вещи, она лишь мотала головой:

– Я выбрала Джорджа Флэнагана, *тэты*. Я хочу быть рядом с ним. И я не позволю вам плохо о нем отзываться. Я жена Джорджа. Даниела – дочь Джорджа. – Мама звала ее Даниелой, только когда говорила с тетками.

Тетки сказали, что ребенка нужно назвать в честь прадеда Даниеля, самого первого Коса, осевшего в Кливленде, и мама с папочкой почему-то согласились.

– Даниела Флэнаган – идеальное имя, – любил повторять папочка.

– Я не идеальная, – возражала ему Даниела.

– Совершенно идеальная. Такая же, как твоя мама. У нее тоже идеальное имя.

– Анета – значит жалостливая, – заученно отвечала Дани. Тетушки вечно твердили ей об этом.

– Вот именно. Ты у меня умница. Твоя мать сжалилась надо мной... и вышла за меня замуж.

– Но тетушкам ты пришелся не по душе?

– Да. Тетушкам я пришелся не по душе.

– Я люблю тебя, папочка.

– Я тоже люблю тебя, Дани Флэнаган.

Ей нравилось, как все ходило ходуном, когда папочка возвращался домой. Нравились его тяжелые шаги, его смех, его запах, неспособность тихо себя вести. Папочка все делал громко – кричал, хохотал, топал, храпел.

Мама сейчас тоже похрапывала, но только совсем неслышно. Мама устала.

Дани высвободилась из ее объятий и собрала книги, которые они купили у О'Брайана. Несмотря на усталость, мама весь день пыталась чем-то себя занять. Они сходили в собор Святого Имени и поставили за папочку свечку. Потом загля-

нули в цветочную лавку Шофилда на другой стороне улицы и понюхали розы, купили у уличного разносчика хот-дог, а под конец зашли в свой самый любимый магазин – в книжный, к О’Брайану. Мама любила книги, но еще больше любила, когда Дани рассказывала ей о них, даже не открывая.

Большая книга в обтрепанной по углам синей матерчатой обложке прежде принадлежала болезненному, сильно кашлявшему мальчику с длинными, тонкими руками. В книге о нем не было ни слова... но он когда-то ее любил. Читая, он тихонько произносил вслух каждое слово, а его голос походил на голос мистера О’Брайана. Мама говорила, что мистер О’Брайан из Ирландии, прямо как папочка... может, мальчик, который читал эту книгу, тоже приехал из Ирландии. А может, ее привез из-за океана в свой чикагский магазин сам мистер О’Брайан.

Другие книги, которые мама купила, никто уже очень давно не читал. Коснувшись одной из них, Дани хихикнула – ее клали под попу непоседливому малышу, потому что иначе он не доставал до обеденного стола. От последней книги, совсем новой, голову Дани заполнил серый туман. Эту книгу еще никто не открывал, не любил, не ненавидел, даже в руках не держал. Ни ткань обложки, ни бумага страниц еще не впитали в себя ничьих историй.

Дани всегда пересказывала маме все, что видела, а мама говорила, что Дани истинная рассказчица. Но рассказчицей Дани не была. Ни одной своей истории она не выдума-

ла. Обычно она не могла придумать даже, что бы нарисовать. Правда, она нарисовала котенка, которого ей хотелось забрать домой. *Чарли*. У мистера О'Брайана на заднем дворе стояла коробка с котятами – он их раздавал. Дани хотела котенка. Страшно хотела. Она нарисовала с десятков котят, похожих на Чарли, и развесила рисунки по всему дому.

Маме не слишком нравилось, что Дани хочет взять в дом котенка. Но папочка обещал ее уговорить. Пусть Дани подождет, пока он снова вернется домой, и тогда они вместе пойдут и заберут Чарли.

Можно навестить Чарли сейчас, пока мама спит. Мама ни о чем не узнает.

Дани решила вынести башмаки и пальто в прихожую. Если одеваться в комнате, мама услышит, как она возится. Обычно мама спала очень чутко. Но теперь, когда Дани осторожно потянула на себя дверь, мама даже не шелохнулась. Она спала крепким сном.

Дани сунула ноги в башмаки. Уже маловаты. Папочка говорит, что всякий раз, когда его не бывает дома, она умудряется вырасти. Мама отвечает, что ему вообще не стоит от них уезжать. Зато пальто еще впору. И шляпка тоже. Дани потянула за поля, прикрывая уши, чтобы не слишком замерзнуть. На улице уже сгущались сумерки. Если ей хочется поглядеть на котят, нужно спешить. А потом она сразу вернется домой. Но Дани слишком увлеклась возней с Чарли. И напрочь забыла о времени.

Свернув обратно, к своему дому, Дани услышала вой полицейских сирен. Она побежала, решив, что мама уже проснулась, рассердилась, перепугалась. И вызвала полицейских, и теперь они ищут ее, Дани.

Прямо перед их домом улицу перегораживали две полицейские машины. На крышах мелькали сирены, дверцы были распахнуты. Подъехала еще машина, из нее вылезли еще трое. Они двинулись во двор, где уже стояли двое других полицейских. Папочкина машина тоже стояла у дома.

Входная дверь в доме Дани стояла настежь. Соседка, миссис Терстон, разговаривала с полицейскими. Она яростно жестикулировала, ежась от холода.

– О нет! – вскрикнула Дани. Они и правда ищут ее. Теперь мама ни за что не позволит ей взять котенка.

Ее никто не видел. Пока никто. Дани прокралась через соседский двор к задней двери своего дома – той, что вела в кухню. Сейчас мама увидит ее и сразу же велит полицейским уйти.

Но полицейские уже вошли в дом. Один из них стоял в дверях, между гостиной и кухней. На его большой голове красовалась лихо заломленная кепка, длиннополое пальто было расстегнуто, и медные пуговицы двумя ровными рядами сбегали вниз по толстому животу. Из-под лацкана пальто выглядывала золотистая звездочка.

Кто-то включил лампы. *Все* лампы в доме. И теперь всюду ярко горел свет. Маме не понравится, что горит так много

ламп, а входная дверь распахнута настежь. Весь жар от печки уйдет в вечернюю январскую стужу.

Полицейский смотрел вниз, на пол, так что козырек от кепки закрывал ему половину лица. Когда она вошла в кухню, он не поднял головы. Сирены у дома были так громко, что наверняка оглушили целый район. Где же мама?

Дани шагнула вперед и вытянула шею, оглядела гостиную, входную дверь, перевела взгляд за стоявший теперь прямо перед ней кухонный стол – туда, куда смотрел полицейский. Тогда-то она их и увидела. Мама была не в постели, но еще спала. Они оба спали – и мама, и папочка, – разметавшись по кухонному полу. Мама так обрадуется, что папочка уже вернулся. Ведь она говорила, что его долго не будет.

Мама была босиком, а папочка даже не снял пальто и шляпы – словно он вбежал в дом, и подхватил маму, и закружил ее по комнатам, и целовал, и качал, пока оба не повалились на пол. Может, это папочка не закрыл за собой входную дверь.

Он лежал поверх мамы, и Дани не видела его лица. И мамино лицо не видела. Видела только красивые голые мамнины ноги и подол красного платья. Юбка разлетелась по полу, большим красным сердцем легла вокруг них с папой.

Полицейский поднял глаза.

– Вот черт. Ребенок нашелся! – заорал он. – Мэлоун, сюда!

Другой полицейский, моложе, смуглее, но в точно такой же форме, показался у него из-за спины и прошел через кух-

ню, обогнув алое сердце и спавших в нем родителей Дани. Он положил руку ей на плечо, увлекая прочь от загадочной картины на полу кухни.

– Держи ее подальше отсюда, пока мы не закончим, – велел толстый полицейский и указал на заднюю дверь. – И раз-
узнай, что ей известно!

Через переднюю дверь в дом вошли еще несколько полицейских: она услышала их шаги.

– Идем, малыш, – сказал молодой полицейский. Голос у него был тихий и добрый. Правда, он так и не снял у нее с плеча своей большой, тяжелой ладони.

Порой папочка тоже говорил ей *малыш*. Но голос у полицейского, которого толстый назвал Мэлоуном, был не таким, как у папы. Он был мягким. А еще хриплым, словно Мэлоун им мало пользовался. Словно не пел во все горло и не кричал во всю глотку. Еще он был сильно моложе папы, но почему-то казался старше. У него был серьезный рот и темные, грустные глаза, прямо как у Регги, пса миссис Терстон.

– Мне нужно предупредить маму, – сказала Дани. Голос ее прозвучал гулко, как когда кричишь в пустой церкви. – Я ведь ушла, не предупредив. Не сказала, где буду.

Мэлоун опустился перед ней на корточки, так что ей больше не нужно было запрокидывать голову. Но он все равно отгораживал ее от всего происходившего в доме. Она увидела, как он изумился, заметив ее глаза. Все всегда реагировали одинаково.

– Как тебя зовут, детка? – мягко спросил он.

– Дани Флэнаган. – Голос опять прозвучал гулко, а еще она больше не чувствовала пальцев на ногах. Ступни заледенели, зато в груди разгорался жар.

– Дани, я офицер Мэлоун. Мы далеко не уйдем. Мы будем за дверью, во дворе. Чтобы не путаться под ногами.

– Вы скажете им, что я здесь? – спросила она и зажала ладонями уши. С ней что-то не то. С мамой и папочкой что-то не то. Жар из груди разлился до самых глаз, а боль из ступней поползла вверх по ногам. Она не знала, сможет ли идти.

– Бог мой, Мэлоун, да уведи ты ее, – рявкнул первый полицейский.

Офицер Мэлоун плотно сжал губы. Толстяка он явно недолюбливал.

– Идем со мной, Дани, – велел он.

Она попыталась сдвинуться с места, но не смогла.

– Мэлоун!

Мэлоун молча подхватил ее на руки и вынес на задний двор. Огляделся, выбирая, куда бы ее усадить.

– Вот так, Дани Флэнаган, – сказал он и опустил ее на скамейку, где обычно курил папочка.

Снаружи она будто обледенела, но пламя внутри горело, щелкало и шипело, словно дрова в печи. Она задрожала, и тогда Мэлоун сел рядом с ней, снял пальто и укутал ее. Он не стал говорить ей, что все будет хорошо. Не похлопал по

спине, не потрепал по волосам, как делал папочка, когда она огорчалась. Но пальто у него было большое и теплое, и оно отвлекло ее от тьмы, что сгущалась теперь во дворе и у нее внутри.

— Где ты была? — спросил он. — До того, как вернулась домой. Куда ты ходила?

— Я б-была у О'Брайана. Но в маг-газин не зах-хо-дила. У н-него за д-домом коробка с к-котятками. Они такие м-милые. Я хотела посмотреть на них всего минутку, но задержалась. Мама, наверное, волнуется, к-куда я пропала. Наверное, она б-боится. Она т-те-перь всего боится.

— Когда ты уходила... где была твоя мама?

— Она спала.

— А папа? Где был твой отец?

— Его не было дома. Утром он уехал с дядей Дарби и обещал вернуться через несколько дней. Он знал, что пропустит мой день рождения. Но обещал, что, когда вернется, я смогу взять домой котенка. Он обещал уговорить маму.

— Когда у тебя день рождения?

— Завтра. Мне исполнится десять.

Ей показалось, что он выругался. Правда, она не была уверена, потому что толком не расслышала его слов.

— Ты уже выбрала себе котенка? Решила, какого возьмешь?

— Да. Я возьму мальчика. Папа сказал, девочек брать нельзя, ведь нам нужен всего один кот. У мальчиков не бывает

детей. Но он и так понравился мне больше других. У него глаза как у меня. Один коричневый, другой голубой. Папа говорит, такое встречается очень редко. Говорит, что я особенная.

– Как ты его назовешь?

– Чарли.

– Хорошее имя.

– Они ведь умерли? – спросила она. Ей не хотелось говорить о Чарли. Ей хотелось к маме. Хотелось, чтобы папочка вышел из дома и велел Мэлоуну и другим полицейским убираться восвояси.

Мэлоун снова чертыхнулся, и на этот раз она расслышала его слова. Он перекрестился и взглянул на нее. Глаза у него блестели, а губы дрожали.

– Да, Дани. Они умерли. Мне ужасно жаль.

* * *

Люди умирали. Их сердца переставали биться. Последний вдох срывался с губ, и свет угасал. Смерть не походила на заглохший мотор, на моргнувшую и погасшую лампочку, хотя по-своему была им сродни. Движение, присутствие, бытность... а потом ничего. Грязная перчатка на мостовой, отлетевший в сторону сапог обезножевшего солдата. За свою жизнь Майкл Мэлоун повидал слишком много безруких, слишком много безногих людей. Смерть была так бес-

пощадна. Так неумолима. От нее никому не удавалось уйти.

Душа отлетала быстро. Если душа – или то странное нечто, которое именуют сознанием, – вообще существовала, то подле тела она не задерживалась. Она мчалась прочь. А плоть немедленно переходила во власть смерти, серолицей, дурно пахнувшей смерти. Он видел это тысячи раз.

В детстве он воображал, что видит души. Он даже рассказывал матери о разноцветных, словно написанных акварелью тенях, что порой окружали головы и плечи людей. Тени были розовыми и лиловыми, белыми и желтыми, он видел их вполне четко, а еще видел свечение, исходившее от него самого, когда уголком глаза ловил в зеркале свое отражение. Мать верила ему, говорила, что у него дар. Когда-то его свечение было теплым, но он уже много лет его не видел. От его матери тоже шел теплый свет, и он видел, как этот свет угасал. Быть может, мать, умерев, забрала его дар с собой.

Он не знал, что происходит с душой, когда человек умирает не вмиг, а постепенно. Мать умирала постепенно. Он всегда считал, что душа подобна жаркому пламени, которое ярилось и ревело, пока все вокруг не обращалось в угли, уже не способные зажечь новое пламя. Человеку, и мужчине, и женщине, лучше было бы умирать сразу, в одночасье, чтобы душа не вилась возле тела, а отрывалась и улетала прочь.

Он боялся, что медленное умирание сгубило дух его матери. Он до сих пор этого боялся. Но теперь ведь она свободна? Он на это надеялся. Сам он свободным не был. Но надеял-

ся, что свободна она. И малышка Мэри. И крошка Джеймс. Быть может, теперь его мать и его дети были вместе. Мысль об этом утешала его, когда больше ничто не могло утешить.

Но теперь он не знал, как утешить Дани Флэнаган.

– Они ведь умерли? – спросила Дани. И в ответ он сказал ей правду. Да, Джордж и Анета Флэнаган действительно умерли.

Он думал об этой странной девочке. Свой невозможный, невыносимый вопрос она задала так тихо и мягко, словно все знала заранее. От ее спокойного самообладания, от этого бесстрастного утверждения у него волосы встали дыбом. Но потом глаза у нее заблестели, и слезы тихо побежали вниз по щекам. Устыдившись собственных мыслей, он выудил из кармана Зайчика и всучил ей. Он даже задуматься не успел. Позднее он клял себя за то, что отдал ей эту ценность, но тогда ему просто хотелось дать девочке *хоть что-то*. Был канун ее дня рождения. Ей исполнялось десять, и она была еще более одинока, чем он. Так что он отдал ей розового зайчика своей Мэри.

Зайчик был небольшой. Помещался в кармане. В последние полгода он всюду носил его с собой. Дани взяла игрушку и крепко, чуть не с отчаянием, вцепилась в нее обеими руками.

Она подняла на него полные слез глаза и смяла пальцами тряпочную игрушку. Утерла мокрые щеки. Потом она отвернулась, не выпуская его подарок из рук, и на лице у нее

появилось другое, отсутствующее выражение. Шок. Бедная девочка потрясена.

– Зайчик, – пробормотала она.

– Да. Это зайчик. Он приносит удачу. Обними его, а мы пока разберемся, что тут случилось. Ладно?

– Но ведь это зайчик Мэри, – тихо сказала она.

– Что... что ты говоришь? – прошептал он.

Она не ответила.

Конечно, он ее неправильно понял. Во всем виновато его собственное безумие. Его собственная тоска. И вина. Она снова подняла на него пустые глаза. Глаза, которые так поразили его там, в кухне. Левый был светлый, бледно-голубой, а правый – карий, как у него. Теперь, в полутьме, он не различал цветов и лишь видел, как мерцают ее глаза – один куда светлее другого.

– У вас есть д-дочка? – спросила она.

Сердце замерло у него в груди. Так случалось каждый раз. То же чувство. Та же внезапная пустота внутри, тот же ком в горле.

– Нет, – тихо ответил он. – Больше нет.

– Хорошенький зайчик, – сказала она, вновь сминая потертую ткань. Она поднесла зайчика к груди, словно он мог ее утешить, прижала его к себе обеими руками и закрыла глаза.

– Мэлоун, соседка говорит, что присмотрит за ней. С семьей уже связались, – рявкнул Мерфи с порога задней двери.

Мэлоун и Дани Флэнаган вздрогнули от неожиданности. Она взглянула на него широко распахнутыми глазами:

– Мистер Мэлоун, я хочу посмотреть на папу с мамой. Пожалуйста.

– Нет, детка. Прости, нельзя.

– Прошу вас.

Ему нужно было задать ей еще пару вопросов, но он не понимал, насколько сильно можно давить.

– Дани, ты видела, что случилось?

– Нет. Но вы здесь. А они там, внутри. Они бы позвали меня, если бы могли. Стали бы меня искать. Но они просто лежат там, и все. Вы же видели.

Долго они там не пролежат. Едва шагнув за порог, Мерфи заявил, что это убийство и самоубийство, а соседка, некая миссис Яна Терстон, подтвердила, что Флэнаганы частенько ссорились.

Джордж Флэнаган был грубиян. Он водился с парнями из Килгоббина. Их вроде называют бандой с Норт-Сайда. Жили они плохо, вечно ругались да дрались. Анета не раз прибежала ко мне в слезах. Я слышала выстрелы. Так, значит, он ее убил?

– Я отведу тебя к миссис Терстон, – сказал он. Он был простым полицейским. Ему всегда доставались самые дрянные задания. Правда, сегодняшнее дело оказалось худшим из всех, что ему поручали.

– Не хочу к миссис Терстон, – ответила Дани. – Она не

любит ни меня, ни маму.

Он нахмурился:

– Это еще почему?

Миссис Терстон обставила все так, словно они с Анетой Флэнаган очень дружили. Ей было что порассказать о случившемся. Правда, сам Мэлоун пока не видел ровным счетом никакого смысла в том, что случилось в этой кухне.

– Она завидовала маме, – прошептала девочка. – Говорила ей гадости и однажды попыталась поцеловать папочку. Не верьте тому, что она говорит. Она плохая.

Вот же черт. Мэлоун примерно так и решил, едва эта миссис Терстон раскрыла свой накрашенный рот.

– Есть у тебя родня? Найдется к кому поехать? – спросил он у Дани. Он надеялся, что родня есть. Господи, пусть у нее будет родня.

– У меня есть дядя Дарби и мои *тэты*, – мягко отвечала она. – И еще дедушка, но он странный.

– *Тэты*? Что это значит? – Он знал иностранные языки, но это слово слышал впервые.

– Мамины тетки. Тетка Зузана, тетка Вера и тетка Ленка. Семья ее матери. Восточноевропейские имена.

– Твои тетки тебя любят? – брякнул он и сам смутился своего вопроса. Но ему нужно было знать.

– Да. Они меня любят. – Этот уверенный ответ чуть унял точившую его тревогу. Ему не хотелось, чтобы девочка оказалась у типа вроде Дарби О’Ши. Он подумал, что дядей Дар-

би она называла как раз его.

– Значит, у миссис Терстон ты не задержишься, – заверил он. – Мы позвоним твоим теткам.

Он провел девочку вокруг дома, к парадному входу, и стоял рядом с ней, пока из дома на носилках выносили накрытые простынями тела ее родителей – коронер как раз велел их увезти. В битве на Сомме Мэлоун повидал немало смертей, но эта сцена показалась ему куда более душераздирающей.

Девочка кинулась к телам и стала молить санитаров, чтобы те дали ей проститься. Мужчины, которые как раз собирались грузить носилки в кузов кареты скорой помощи, застыли в неловком молчании.

– Какого черта, Мэлоун? – рявкнул Мерфи, но Мэлоун даже не обернулся. Его мать умерла, когда ему было двенадцать – почти столько же, сколько теперь Дани. И ему позволили с ней проститься.

Мэлоун подошел к девочке. Мысленно перекрестившись, он осторожно отогнул покрывавшую носилки материю и открыл лицо Джорджа Флэнагана, а следом лицо его жены.

Дани Флэнаган, укутанная в его пальто, поцеловала каждого из родителей в щеку. Слезы струились у нее по лицу, но она больше не всхлипывала. Потом она отошла и, крепко сжимая в руках Зайчика, молча смотрела, как их тела погрузили в машину и увезли.

ЯНВАРЬ 1938 ГОДА

Майкл Мэлоун не был в Чикаго с тех пор, как в тридцать первом помог упрятать за решетку Аль Капоне. Бедный великий Аль. Теперь он сидит в камере в Алькатрасе. Мэлоун подумал, что даже в Алькатрасе он теперь, в первый день нового года, оказался бы с большей охотой, чем здесь, на чикагском кладбище.

Почти весь прошлый год Мэлоун провел на Багамах, расследуя дело об офшорных счетах и отмывании денег, и загорел дочерна, зато сегодня мерз так, как никогда прежде. Он отвык от чикагской погоды. Но к тому, что Айрин больше нет, он был готов. Они слишком давно жили врозь.

Его сестра Молли написала ему через пару дней после Рождества:

Лири́н умерла. Что мне делать?

Он вернулся в дом в южном районе Чикаго, туда, где вырос. Правда, теперь это место уже не казалось ему родным домом. Молли ему обрадовалась. Ее дети выросли, а они с мужем, Шоном, поседели и исхудали.

– Ты совсем не стареешь, младший братишка. – Молли обняла его и расцеловала в обе щеки. Но оба они знали, что он здорово изменился.

Он смотрел, как купленный им гроб, белый с нарисован-

ными по углам розами, опустили в землю рядом с маленьким надгробием Мэри и плитой в память о Джеймсе. Молли плакала, но Майкл подозревал, что то были слезы облегчения. У Молли своих хлопот хватало, и Айрин была для нее обузой. Он следил за тем, чтобы у Айрин всегда имелась крыша над головой и деньги на банковском счете, но заботилась о ней Молли. И ей это было нелегко.

На похороны пришли отец Кэрриган, Шон и Молли. Больше *никого* не было. А Майкл чувствовал лишь, что страшно замерз.

Ему придется снова уехать. И очень скоро. Нельзя задерживаться в старом доме, даже если у Чикагской организации теперь новые главари, а бутлегерские войны двадцатых годов остались в прошлом. Ему не нравилось жить в доме у Молли. Из-за него – и неважно, надолго ли он приехал и насколько осторожно себя вел, – в доме делалось небезопасно. А не наоборот.

Слух о его приезде разлетелся по городу, но он все равно изумился, когда спустя два дня в дверь постучал Элиот Несс. Под голубыми глазами Несса набрякли мешки. В руках он держал коробку с бумагами.

– Я слышал об Айрин, Майк. Мне очень жаль. – И Несс в знак уважения снял шляпу. Он, как и прежде, носил волосы на прямой пробор, и, хотя ему уже минуло тридцать четыре, в его облике до сих пор сквозило что-то мальчишеское – черта, из-за которой одни его недооценивали, а другие обо-

жали.

Мэлоун кивком ответил на соболезнования и отступил в сторону, приглашая Элиота войти. Молли выскочила из кухни поприветствовать знаменитого борца с бутлегерством. Она спросила, как поживает его жена Эдна, выросшая в доме по соседству, посетовала о кончине его матери Эммы – та умерла с месяц назад. Задерживаться Молли не стала. Она принесла им стаканы, бутылку солодового виски и плотно прикрыла за собой дверь в гостиную. Она знала, чем они оба занимаются. Или *занимались*. Несс больше не работал на министерство финансов.

– Слышал, ты теперь в Кливленде, – сказал Мэлоун, наполняя стаканы.

– Да. Перебрался туда в августе тридцать четвертого, еще до того, как ушел из министерства. Где-то через год мне предложили стать главой общественной безопасности, – отвечал Элиот, приняв стакан, который ему протянул Мэлоун, и с благодарностью сделав глоток. Раньше он не пил. Не хотел прослыть лицемером. Но сухой закон уже давно отменили.

– Что еще за глава общественной безопасности? – спросил Мэлоун. Он пристально разглядывал янтарную жидкость в своем стакане. Виски ему не хотелось. Если он сейчас начнет пить, то вряд ли сумеет остановиться.

– Мне подчиняются полиция и пожарные. Я вроде как... отвечаю за безопасность в городе.

– Начальствуешь над начальством?

– Что-то в этом роде. – Элиот отвечал неторопливо – точно так, как помнил Мэлоун. Эта манера говорить, всегда казавшаяся Мэлоуну располагающей, делала Несса старше, чем он был на самом деле, а собеседника принуждала внимательно и терпеливо следить за беседой.

– Когда я слышал о тебе в последний раз, ты ловил контрабандистов в Кентукки, – заметил Мэлоун.

– Было дело. Но туда я не вернусь. – Несс поставил на стол пустой стакан.

Мэлоун плеснул ему еще виски.

– Настолько ужасно?

– Против головорезов из Кентукки Аль Капоне и его ребята – все равно что домашние канарейки.

– И в Кливленде тоже банды?

– Да. Они везде. Но у меня теперь новая беда. Слышал, что творится в моем городе?

Мэлоун вскинул брови:

– В твоём городе? Так значит, Кливленд теперь твой город? А я-то думал, твой город Чикаго.

– Я работаю на жителей Кливленда. А у них там по улицам бродит какой-то полоумный и режет глотки.

– Я в Кливленде не бывал в последнее время, – отвечал Мэлоун. – Но если ты про убийства говоришь, я что-то такое слышал. Правда, без подробностей.

– Его называют Расчленителем. Безумным Мясником из

Кингсбери-Ран. Я еще никогда такого не видел. Ни здесь. Ни в Кентукки. Нигде и никогда. – Несс вздохнул. – Просто... Аль Капоне я понимал. В его преступлениях был смысл. Все крутилось вокруг грязных дел. Денег. Власти. Контроля. Но этого типа я не понимаю. Кромсает людей на куски. Бросает раздетые трупы там, где придется. Убивает всех, и мужчин, и женщин. Словно ему плевать.

Несс глотнул еще виски, словно надеясь, что спиртное придаст ему сил.

– И эти трупы находят дети. Такое не забудешь до конца жизни! Вот решил ты прогулять школу, пошел порыбачить и увидел под деревом сверток, а в нем – человеческая голова, обернутая в штаны. Как ребенку от такого оправиться? Или другая история – мальчишки гоняли мяч у ручья, на склоне холма, который там называют Ослиным. Мяч укатился со склона, они побежали следом и нашли двух мужчин, без голов, без гениталий. Зато один из трупов был в носках.

Мэлоун поморщился.

– Дальше – больше, – продолжал Элиот. – Третью жертву, женщину по имени Фло Полилло, он разрубил на куски и разложил в две корзины. Корзины нашла женщина и решила, что это парное мясо. – Он скривился. – Мэлоун, народ нынче голодает. Хорошо, что та женщина была честнее других. Она зашла в мясную лавку через дорогу и сказала мяснику, что его вроде как обокрали. Представь, каково ей было, когда выяснилось, что в корзинах лежит человечина. Вот какое

дерьмо творится в Кливленде. Нет там подпольных винокурен. Никто больше не поставляет контрабандное спиртное. Нет старых добрых полицейских и воров, нет гангстеров и спецагентов. Это все мне по плечу.

– Ясно, почему ты скучаешь по Аль Капоне, – пробормотал Мэлоун.

– Да, я скучаю по нему. Скучаю, черт меня дери, – признал Несс. – В Кливленде, как и всюду, стоят очереди за продуктами, работы почти нет, и везде, куда ни глянешь, страшная бедность. Но... эта бедность мне понятна. Она мне не по нутру, но все-таки она мне понятна.

Мужчины немного помолчали, задумавшись.

– Чего я совсем не могу понять, так это зачем какой-то псих режет людей на куски безо всякой причины, – продолжал Несс и прибавил: – Я даже не знаю, с какой стороны *подступить* к этому делу.

– Если ты этого не понимаешь, это не значит, что в происходящем и правда нет смысла, – парировал Мэлоун. Так сказала ему когда-то одна мудрая девочка. И он не забыл ее слов.

– Думаешь? – фыркнул Несс. – Что ж... Пока что его не может понять никто из моих парней. Мы себе уже головы сломали. К этим убийствам не применяется ни одно из известных мне правил.

– То есть?

– Жертвы связывает друг с другом только одно – все они

жили в Кингсбери-Ран или где-то поблизости. В газетах писали, что все они бродяжничали, но это не правда. Не совсем правда. Они были бедны, но не беднее многих. Бывали не в самых благопристойных заведениях. Но это касается лишь тех, кого нам удалось опознать. Остальные вполне могут оказаться ангелами во плоти.

– Думаешь, Мясник был с ними знаком? – спросил Мэлоун.

– Ты ведь знаешь, как все устроено. Убийство почти всегда совершает тот, с кем жертва знакома.

– Но ты считаешь, что тут другое дело.

– Да. Сейчас у нас нет никаких зацепок среди тех, кто был знаком с первой жертвой. Его звали Эдвард Андрасси. Не то чтобы он был славным парнем, но родные его любили. Его родители по нему горевали. Им здорово досталось – их допрашивали без конца, пытались хоть что-то вызнать, отыскать хоть какой-то след, связать его убийство с другими, расставить все точки над «и».

– Сколько уже погибло?

– Десять человек. Не считая убийства в сентябре тридцать четвертого. Тогда на берегу озера Эри нашли торс женщины. Ее так и не опознали. И потом, нельзя было сказать наверняка, что ее убили. Следователи решили, что она упала за борт и утонула, а ее тело изрубило на куски корабельным винтом.

– Дева озера. – Мэлоун припомнил эту историю. Объяснение, которое дали тогда полицейские, сразу показалось ему

бредовым. Женщина утонула в озере Эри, но в полицию об этом никто не сообщил? Полная ерунда.

– Так ее прозвали газеты. Слишком уж красивое имя для жутких с виду останков. Какой-то парень собирал дрова, которые прибывает к берегу, и нашел ее среди плавника.

– И ты считаешь, что она – первая жертва Мясника?

– Не совсем так. Долгое время мы о ней вообще не думали. Но теперь... изучив всех, кого он убил с тех пор... я понял, что, возможно, она была его первой жертвой.

В комнате вновь воцарилась тишина. Мэлоун встал и подбросил дров в камин. Несс подождал, пока тот вернется на свое место.

– Может, он просто бравирует, – задумчиво проговорил Мэлоун, усаживаясь.

– Кто? – нахмурился Несс.

– Твой Мясник.

– *Лой* Мясник? – буркнул Элиот.

Мэлоун пожал плечами и подвинул бутылку поближе к товарищу:

– Город твой. И Мясник тоже твой.

– И перед кем же он бравирует? – поинтересовался Элиот. Он взял со стола бутылку, но откупоривать не стал.

– Перед тобой.

– Передо мной?

– Ну да. Трупы ведь стали появляться после того, как ты перебрался в Кливленд?

Элиот мрачно уставился на него и с грохотом водрузил бутылку обратно на стол:

– Что?

– Трупы стали появляться примерно в то же время, когда ты перебрался в Кливленд. Ведь так? Ты сказал, что переехал в августе тридцать четвертого. Деву озера нашли в сентябре тридцать четвертого.

– Черт с тобой, Мэлоун. – Несс потерял глаза. – Со мной это не связано. Я приступил к работе в декабре тридцать пятого. – Но голос его звучал устало, словно он и сам себе больше не верил.

– Газетчики любят тебя, Элиот. Молодой, красивый, прямой как стрела. Засадил самого Аль Капоне. Может, этот Мясник решил устроить тебе проверку. Я повидал много разборок между бандами, когда головы резали направо и налево. С чего ты взял, что тут не то же, что было в Чикаго?

– Хотел бы я, чтобы в Кливленде было то же, что и в Чикаго. Но... там другое. Я долго не брался за это расследование, отдал его на откуп полицейским. Но мэр, Гарольд Бертон, велел мне вмешаться.

– Он хочет, чтобы все знали, что расследование ведешь ты.

– Да. Говорит, меня взяли на эту работу как раз потому, что люди в меня верят. Верят, что я сумею навести порядок. Но я не думал, что наводить порядок означает копаться в отрезанных головах и конечностях. – Эти слова прозвучали

так беспросветно, что Мэлоун протянул Нессу свой стакан. Он все равно не собирался из него пить.

Элиот поднял на Мэлоуна свои голубые глаза, словно ожидая, что тот подхватит нить разговора. Мэлоун пристально смотрел на него:

– К чему все это, Элиот? Я думал, ты пришел из-за Айрин.

– Так и есть. Но ее смерть... дала мне шанс. Я понимал, что нужно действовать быстро, иначе ты снова уедешь.

– Нет, – произнес Мэлоун. Внезапно он понял, что сейчас скажет Элиот. Он знал, что не согласится. Ни за что.

– Ты всегда был внимателен к деталям. Ты знаешь свое дело, а мне нужен свежий взгляд. Пойми, ты первый связал меня с этой историей. Не могу сказать, что твоя мысль мне приятна, но все равно, это версия. Больше никто до такого не додумался. Вот о чем я толкую.

– Наверняка у тебя в Кливленде полно хороших копов.

Несс помолчал, и Мэлоун тяжело вздохнул, догадавшись. Так вот в чем дело. Дело *всегда* в этом. Коррупция. Несс не доверяет своим кливлендским подчиненным.

– Хорошие люди всегда найдутся. Как и хорошие копы, – рассудительно отвечал Элиот.

– Вот пусть они и делают свою работу.

– Прошло уже больше двух лет, а расследование так и не сдвинулось с мертвой точки. Дело полная дрянь.

– Как и любое дело. Плохой парень всегда не таков, каким хотят видеть его политики. А хороший парень всегда с

гнильцой.

– Поэтому-то мне и нужен ты. Местные предприниматели собрали денег и решили нанять на это дело независимых следователей. Ничем не связанных с полицией. Мы поступили так же, когда взяли Капоне.

– Я только что похоронил Айрин.

Несс помолчал, глядя Мэлоуну в лицо:

– Зато теперь ты свободен.

– Свободным я никогда не буду. Не с этой работой. – Он решил сменить тему. – Как Эдне в Кливленде?

Несс снова помолчал, и Мэлоун все понял сам. Значит, в браке у Несса по-прежнему неладно.

– Пока ей там нравится больше, чем в Кентукки, – ответил Элиот. – Но она одинока. Детей у нас нет. Моя работа ей не по нутру.

– Ах вот как. Тут я с ней солидарен.

– Еще бы, – вздохнул Элиот. – Она сейчас у матери. Передает тебе соболезнования.

– Значит, ты примчался в Чикаго из самого Кливленда, когда узнал насчет Айрин?

– Нет. Мы приехали на Рождество. Завтра возвращаемся. Ты мне нужен, Мэлоун.

– Несс, у меня уже есть работа.

– Я поговорил с Элмером Айри. Перед тем, как пришел.

– Ты поговорил с моим боссом?

– Он сказал, что у тебя пока нет новых заданий. Он мо-

жет на время тебя отпустить. Говорит, что может даже все оформить официально. Конечно, с министерством финансов тут связи никакой, по крайней мере, мы ни о чем подобном пока не знаем, но вашингтонское большое начальство хочет поскорее с этим покончить. Это дело всем мешает. Немецкие газеты используют его в своей пропаганде. Дикие американцы. Жестокие американцы. «Если американцы не в силах остановить одного человека, разве они остановят немецкий танк?»»

Мэлоун вздохнул. Плакали его мечты о возвращении на Багамы.

– Айри сказал, что ты как раз расквитался с очередным делом, – прибавил Элиот. – Я слышал, ты поработал и над похищением сына Линдбергов. Кошмарная история.

Мэлоун не ответил. История *и правда* была кошмарная. Малыша ради выкупа выкрали из его собственной кровати, а потом убили. Бросили на обочине дороги. Но мерзавца они все же поймали. Угробили на это два мучительных года, но поймали. Все те два года Мэлоуну каждую ночь снилась Мэри.

– Айри считает, что отдых будет тебе на пользу, – продолжал Несс.

– Отдых? В Кливленде? Мне не показалось, что ты зовешь меня отдыхать.

– Никто не будет на тебя давить. Задание у тебя неофициальное. И потом, ты и сам сказал, что здесь тебе оставаться

нельзя. И ты это понимаешь. В Чикаго ты под прицелом. Если тебя кто-то узнает... тебе не жить. Может, Капоне и сидит в Алькатрасе, но его люди до сих пор здесь, Мэлоун.

– Почему я, Несс?

– Ты идеально подходишь для этой работы.

Мэлоун недоверчиво фыркнул:

– Откуда ты знаешь?

– Ты ничего не боишься. Ты терпелив. Знаком с работой полиции. У тебя множество источников. И сейчас тебе больше нечем заняться.

– Иными словами, если что-то пойдет не так и Мясник решит со мной разделаться, ты мало что потеряешь. К тебе на порог не прибежит безутешная вдова с оставшимися без кормильца детишками.

Несс пожал плечами:

– Точно так же было с «Неприкасаемыми», и тебе это отлично известно. Ты сам там был, Мэлоун. Если б тебя тогда поймали, ты бы сейчас был мертв.

– В том-то и дело, Несс. Я уже давно мертв. И потому я так хорошо делаю свою работу. Мне на все плевать.

– Не пори ерунды, Майк. Если б тебе было на все плевать, ты бы сюда не вернулся. Ты пятнадцать лет содержал женщину, с которой не жил.

Мэлоун взял стакан, который предлагал Нессу, и залпом выпил. Виски обжег ему горло. Он чуть не закашлялся. Вот стыд-то. За работой он не пил, а некоторые дела длились го-

дами. Пора возвращаться в форму.

– Сколько тебе лет, Майк? – мягко спросил Элиот.

– Почти сорок. – Он чувствовал себя двадцатипятилетним юнцом. И девяностолетним старцем.

– Сорок лет. Ни лысиной, ни животом так и не обзавелся. Глядишь по-прежнему хмуро, но женщины, я уверен, по-прежнему тебя обожают, хотя внешность у тебя совсем не приметная. И ты теперь совершенно свободен. Поезжай со мной в Кливленд, Майк. Помоги мне поймать этого гада.

– У меня нет ни единой причины ехать в Кливленд, Элиот. Оставь мне бумаги. Ты ведь принес мне бумаги по делу? Я их просмотрю. И скажу, что думаю.

– Нет уж. Бумаги я тебе, конечно, оставлю. Но, глядя на них, ты ничего не распутаешь. Ты и сам знаешь, как все работает. Детектив Мерайло, которого назначили на это дело, считает, что Мясник ездит на грузовых поездах: в них теперь полно бродяг и беспризорников, и якобы он там выбирает себе жертвы. Никто лучше тебя не умеет слиться с толпой. А в Кливленде тебя никто не узнает и не разоблачит. Мы уже посылали на задание пару тамошних копов, но их вмиг раскрыли.

– Сколько ты платишь? – Это была первая уступка, и Несс с готовностью принялся отвечать:

– Я возьму на себя расходы на твоё жильё и питание – я уже подыскал тебе местечко – и буду платить двадцатку в неделю, пока ты – либо кто-то ещё – не приведёшь ко мне

подозреваемого. Или пока Айри не назначит тебя на другое дело.

– Перед кем я буду отчитываться? В Кливленде я никого не знаю.

– И потому сумеешь добыть сведения, которые никто другой не может добыть. Начальник полиции, Матовиц, назначил на это расследование двух своих лучших парней. Снял их с других дел. А на следующий день о них написали во всех газетах. На первом развороте. – Несс тяжело вздохнул.

– И теперь все в городе видят их за версту, а репортеры не дают им шагу ступить, – закончил за него Мэлоун.

– Вот именно. У газетчиков свои цели. И я это понимаю. Но мне нужен кто-то, о ком они ничего не знают. Кто-то, кому я могу доверять. Кто-то, кого никто и ничто не связывает с Кливлендом. Мне дал работу мэр от республиканцев. Поэтому в городе многие считают меня врагом и все время стараются мне подгадить.

– Ненавижу политику. 11 политиков.

– Тебе не придется с ними общаться. Никто не будет знать о твоей работе. Или, по крайней мере, о том, ради чего ты приехал. Буду знать только я и Дэвид Коулз. Помнишь Дэвида? Он теперь в Бюро научных исследований. Помогает нам с этим делом. Но тебе не придется работать по-старому.

– По-старому я уже наработался. – Он вдруг почувствовал, как что-то переменилось. В нем вспыхнула искра, блеснул слабый огонек, которого он уже давненько не ощущал.

Интерес. Он понял, что это дело его зацепило.

Несс сразу подметил, что Мэлоун сдался, и его лицо разом утратило напряженное выражение.

– Имей в виду, Несс, я ни с кем больше работать не буду, – проговорил Мэлоун, предупреждая тыча в него пальцем. – Не буду возиться со всяким местным ни на что не годным полицейским сбродом.

– Тише, тише. Это тебе не «Неприкасаемые»... не совсем они. Мне предложили именовать тебя и других ребят «Незнакомцами». Вы не знакомы с городом и друг с другом. Отчитываетесь только передо мной – но обо всем, что найдете. И больше ничего.

Если только Айри не потребует, чтобы ты еще и перед ним отчитывался.

– «Незнакомцы». Просто восхитительно. – Горстка до смерти заскучавших богатеев придумала для своего карманного проекта чудненькое название. «Незнакомцы». И Несс говорит, что «Неприкасаемыми» тут даже не пахнет.

– Мы сняли тебе комнату в доме к югу от Кингсбери-Ран. Прямо напротив больницы Святого Алексиса, в чешском квартале. Дома там просторные, роскошные. Когда-то были. Теперь их в основном переделали под магазины, с жилыми комнатами на втором этаже. Но улица чистая и спокойная и комната что надо. – Несс пожал плечами. – Комнаты быстро расходятся, отдельное жилье теперь многим не по карману. Но рядом с Кингсбери-Ран никто не хочет селиться. Так что

цена не взлетит. Я уже внес залог.

– Ты был так уверен, что я соглашусь?

– Нет. Я был почти уверен, что ты откажешься. Но мне слишком понравилась комната, да и место самое подходящее. Если бы не ты, то кто-то другой с радостью бы в ней поселился.

– Я не могу тебе ничего обещать. Сначала позвоню Айри, потом решу.

Несс кивнул, но оба они понимали, что Мэлоун уже согласился.

– Тебе нужно приехать в Кливленд не позже десятого января. До этого времени комнату никому не сдадут. Позвони мне, когда устроишься. – Несс постучал пальцем по листку, лежавшему в коробке, поверх стопки папок. – Здесь адрес, под ним телефон. – Он склонил голову к плечу: – Кстати, ты все еще Мэлоун? Или взял новое имя?

– От старого отказался, а новое пока не выбрал.

– Тогда... пользуйся любым именем. Комнатой занималась девчонка с работы, я с этим делом никак не связан. Залог внесен от ее имени. Есть еще письмо из мэрии, правда, не от меня лично, но, думаю, оно откроет перед тобой многие двери.

– Я еду в Кливленд в январе, – пробормотал Мэлоун.

– Повеселимся, Мэлоун.

– Это вряд ли, – парировал тот, и Несс удовлетворенно хмыкнул.

– Да, вряд ли. Но сделать это нужно. А ребята вроде нас с тобой в таких делах не новички. Мы делаем то, что должно быть сделано. – Он снова надел шляпу, застегнул пальто на все пуговицы. Щеки у него покраснелись, а глаза заблестели от выпитого. – Не думай слишком много. Иначе сам себя запугаешь. Помнишь, ты сам однажды дал мне этот совет?

– Помню.

– Это хороший совет.

– Знаю, прошло слишком мало времени. Но нам нужно взять квартиранта.

Даниела Кос завела разговор, который ее старым тетушкам совсем не хотелось вести.

– Нельзя пускать в дом чужого человека, Даниела. Не теперь, пока мы еще скорбим, – отвечала Зузана.

– Тетя, скорбеть мы будем всегда, – мягко возразила ей Даниела. Она была на полвека младше своих двух теток, но не хуже их знала, что скорбь никуда не уходит. Она лишь отступает на задний план.

У Ленки задрожал подбородок. Плотно стиснув морщинистые губы, она вытащила из пояса платья, которое как раз сметывала, три булавки и зажала в зубах, чтобы скрыть волнение.

Какое-то время женщины работали молча. На протяжении долгих дней заказов у них вовсе не было – теперь никто не шил себе новых платьев, не просил ничего подогнать по фигуре, – и они радовались праздникам, которые наполнили жизнь их мастерскую. В прежние времена, когда в ателье Косов шили великолепные платья и дорогие костюмы, а заказов было столько, что с ними едва справлялись, перешивать здесь вообще не брались. Но теперь здесь соглашались на все. Теперь Косы торговались из-за расценок, которых,

как твердила Зузана, в ателье не видели с тех самых пор, когда Даниель Кос открыл свой первый магазин в их прежнем районе, на Кротон-стрит. Правда, ни Даниеля, ни Элишки, ни Павла, ни Анеты, ни Веры Кос уже не было в живых.

Особняков, прежде тянувшихся вдоль Евклид-авеню, тоже больше не было. Танцевальные залы снесли. Богачи, которые прежде в них танцевали, давно позабыли о танцах. Когда-то Марк Твен назвал эту улицу одной из самых изысканных в Америке. Но теперь Ряд Миллионеров мало чем отличался от других улиц в центре Кливленда. Всюду царили бедность и запустение.

Семейство Кос никогда не жило на Евклид-авеню, но зарабатывало, обшивая ее обитателей. Тяжелым трудом Косы сумели скопить денег и выстроить большой дом на Бродвее, неподалеку от Восточной Пятьдесят пятой и церкви Богоматери Лурдской, прямо напротив больницы Святого Алексиса. В этом районе селились, хранили деньги, молились и становились американцами зажиточные чешские иммигранты. И вот теперь правнучка Даниеля и две его дочери жили в этом доме, поддерживая на плаву дело, которому наверняка суждено было сгнуться вместе с ними.

– Комната большая, светлая... Мы можем выручить за нее хорошие деньги, – снова начала разговор Даниела. – Если назначим цену повыше, сможем привлечь приличного человека, врача, например. Доктор Петерка всю жизнь сдает комнаты над своей клиникой и всегда легко находил съемщи-

ков. Мы живем совсем рядом с больницей. Комнату снимут за пять минут, – убеждала Даниела. Она не стала говорить тетушкам, что уже нашла квартиранта. Ей нужно было приучить их к этой мысли до десятого января.

– Нас разделяют на кусочки в собственных постелях, – бросила Зузана, даже не поднимая глаз от шва, который старательно распарывала.

Ленка застонала – словно взвыла и смолкла сердитая кошка. Булавки по-прежнему торчали у нее изо рта, и она не могла ничего сказать.

– Тетя, – взмолилась Даниела, – прошу, не говори так.

– У нас по соседству похоронное бюро. Если Мясник поселится у нас, сможет бросать тела своих жертв прямо к Раусу на крыльцо. И избавит всех от лишних хлопот, – пробурчала Зузана.

Даниела знала, что уговорить тетушек будет непросто.

– Хотя нет. Беру свои слова назад. Он будет их бросать по частям. Сначала руку. Или сразу парочку, – бормотала Зузана. – Или обернет голову несчастной жертвы в ее же штаны. Или распилит туловище пополам и сунет в корзину, как было с бедняжкой Фло Полилло.

– Ты говоришь о ней так, словно была с ней знакома, – вздохнула Даниела.

– Просто я знаю, что ей точно не понравилось бы, что он отрубил ей голову, – фыркнула в ответ Зузана.

– Ее голову так и не нашли, – прибавила Ленка, горестно

цокая языком. — Знать бы только, что он с ней сделал!

— Нам нужны деньги, *тэти* — взмолилась Даниела.

— Еще больше нам нужно спокойствие, — отрезала Зузана.

— В газетах писали, что он крепкого сложения, высокий и сильный. Иначе как он сумел бы приволочь тела к подножию Ослиного холма? Может, нам просто сдать комнату кому-то хилому... и невысокому? — с надеждой в голосе предложила Ленка.

— Думаю, он скатил трупы вниз со склона холма, а сам спустился следом и устроил весь этот театр, — парировала Зузана.

— В газетах писали, что вряд ли все было именно так. Трава на склоне не была примята, кусты не поломаны. Да и по самим трупам нельзя было сказать, что их тащили или бросали, — возразила ей Ленка. За последние пару лет они вслед за местными газетами обсудили это не меньше тысячи раз.

— Мне было бы куда спокойнее, если бы он убивал только мужчин, — призналась Ленка, и Даниела почувствовала, как ее губы сами собой сложились в улыбку. Ее восхищала эта прямолинейность.

— Судя по всему, *старых* дам он не убивает, — сказала Даниела. — Так что тебе ничего не грозит.

— Но ты-то не старая, Даниела, — возразила ей Ленка. — А я больше всего на свете боюсь за тебя.

— Да, я не старая. Но я не в его вкусе. И ты знаешь об этом.

— Ты не бродяга, — подхватила Ленка.

– Нет, не бродяга.

– И не живешь в Кингсбери-Ран, – продолжала Ленка.

– Но очень близко, – вмешалась Зузана.

– И не бываешь в сомнительных заведениях, – продолжала Ленка.

– Нечасто, – кивнула Даниела.

Тетушки разом уставились на нее, от изумления забыв про шитье, но Даниела широко улыбнулась им, и они вмиг успокоились.

– Но если мы так и не сдадим нашу пустую комнату, мне, возможно, придется бывать в них чаще, – предостерегла Даниела.

Зузана резко хлопнула себя по ноге:

– Немедленно прекрати. Мы уже все обсудили. Ты молода и красива, и, пока ты живешь в этом доме, мы не можем взять квартиранта.

– Я всегда буду жить здесь, тетя.

– Ох, Даниела, дорогая моя. Не говори так. Не надо, – запричитала Ленка. – Тебе еще встретится мужчина. И очень скоро. Я это знаю.

– Тогда ему придется переехать сюда, – ответила ей Даниела. – Потому что мой дом здесь.

– Мужчина в доме... только подумать, – зашептала Ленка. И они снова вернулись к тому, с чего начали разговор.

У Айрин в гараже стоял «Линкольн-К» 1935 года выпуска. Мэлоун вполне мог поехать в Кливленд на нем. Он был бы рад заполучить новый, сверкающий чистотой автомобиль, которого никогда не касалась ее рука. Но смирился с тем, что ему достался чуть подержанный.

– Ты ведь сам купил его, Майкл. Так пользуйся, – сказала Молли.

Он подумывал отправиться поездом, но решил, что собственный транспорт может ему пригодиться. Он не будет играть определенной роли, не станет никем притворяться. Для начала он просто осмотрится. Его босс, Элмер Айри, ждал от него новостей и регулярных отчетов – хотя присутствие Мэлоуна в Кливленде и не считалось заданием. *Официально* у него начался оплачиваемый отпуск.

Молли сберегла часть вещей, которыми он обзавелся в годы работы с Капоне. Пара шелковых костюмов, белая фетровая шляпа, блестящие черно-белые туфли, которые он очень любил. Правда, они совсем не годились тому, кому не стоило выделяться. Мэлоун прожил много лет с одним чемоданом, покупая вещи по мере надобности, а последний год провел на Багамах, так что теплой одежды у него совсем не было. Но с этим он решил разобраться после приезда в Кливленд. Если ему придется рыскать среди обитателей трущоб, новые

вещи ему не понадобятся. На всякий случай он все же взял с собой костюмы и разные мелочи. Они могли пригодиться. Хороший шелковый костюм мог открыть перед ним определенные двери, а он понятия не имел, в какие двери ему нужно будет стучаться.

Он рассчитывал, что поездка из Чикаго до Кливленда его развлечет. Водить он любил, но попал в снегопад и был вынужден переждать его у Двадцатого шоссе, в придорожном мотеле, где было холодно и бесприютно, как в каком-нибудь Тимбукту. Он так замерз, что лег спать прямо в плохо сидевшем на нем шерстяном костюме и пальто, которые купил к похоронам, завернувшись вдобавок в поеденное молью и крысами покрывало. Он уехал, как только расчистили дороги, но все равно провел в этом мотеле чересчур много времени.

Когда он в конце концов добрался до Кливленда – днем позже, чем намеревался, страшно усталый, в дурном настроении, – то совсем не обрадовался сумеркам, которые стали сгущаться уже в четыре часа пополудни. Евклид-авеню сияла праздничными огнями, но город показался ему изнуренным, а немногочисленные прохожие, которых он заметил на улицах, шли быстрым шагом, не глядя по сторонам, сунув руки в карманы.

Отовсюду веяло тоской и отчаянием.

Он свернул к югу, на Восточную Пятьдесят пятую улицу, следуя по маршруту, который проложил, когда в последний

раз смотрел в карту. Маршрут был не самый короткий, но зато он давал возможность оценить атмосферу района. Мэлоуну она пока что совсем не нравилась. Бродвей пересекал Пятьдесят пятую под острым углом, и он снова свернул направо, изучая район, делая заметки в уме. Банк, театр, библиотека. Он проехал еще несколько кварталов. Нужный дом стоял на южной стороне улицы. Он проехал мимо и развернулся на перекрестке, чтобы подъехать прямо ко входу.

Особняки здесь были красивые, как и говорил Элиот, но прямо под окнами грохотали трамваи, лишая трехэтажных викторианских дам былого величия, так что те напоминали теперь картонные дома с привидениями, которые потехи ради строят на ярмарках.

Целый квартал прямо напротив дома занимала больница Святого Алексиса, с крестами на крыше и тремя одинаковыми голландскими щипцами, делившими здание на три равные части. Сбоку к зданию больницы было пристроено небольшое кафе, лишь подчеркивавшее, что в районе не нужны больше старые, величественные викторианские здания, в которых, однако, по-прежнему теплилась жизнь.

В одном из трех особняков, занимавших квартал напротив больницы, помещалась частная клиника, в другом – похоронное бюро, а на третьем попросту значилось «Кос». К дому вела широкая, пустая подъездная дорожка, но он на нее не свернул. Он остановился у тротуара, прямо напротив входа, и хмуро уставился на вывеску. Фамилия показалась ему

знакомой, но он никак не мог припомнить откуда.

Он снова сверился со своей картой и с записями Элиота.

Адрес верный: дом 5054 по Бродвею. Элиот говорил, это швейное ателье. Фамилия скорее подошла бы нотариусу. Когда живешь рядом с похоронным бюро, куда разумнее заниматься оформлением завещаний.

Он поправил галстук и взглянул на свое отражение, отметив, что тени под глазами превратились в мешки, а на щеках слишком заметна щетина. Заметив движение у пассажирской дверцы, он повернулся и увидел, что к входной двери дома подошла женщина. Двигалась она быстро, и потому он решил, что она молода, хотя сказать наверняка было сложно: на ней было слишком широкое пальто с подвернутыми рукавами, толстый коричневый шарф и вязаная, плотно прилегавшая к лицу шляпка, из-под опущенных полей которой лишь чуть виднелись довольно светлые локоны.

Зазвенели больничные колокола, и женщина обернулась, замерла, словно ей нравилось слушать их перезвон, представив Мэлоуну возможность рассмотреть кусочек ее щеки и покрасневший кончик носа. Потом она снова отвернулась и открыла парадную дверь: та радостно скрипнула в ответ, словно подтверждая, что здесь будут рады всякому посетителю.

Он решил подождать, пока женщина выйдет из ателье. Ему не хотелось расспрашивать про комнату при любопытных клиентах. Правда, быть может, она здесь живет. Или

работает. Он взял листок бумаги, на котором значились подробности о залоге, оставленном за жилье, сунул его в нагрудный карман и, оставив все вещи в машине, зашагал к дому.

Ателье, пахнувшее кожами и крахмалом, все было заполнено старательно расставленными манекенами, зеркалами, стойками для одежды, призванными создать ощущение большого пространства и изобилия – хотя на деле здесь не было ни того ни другого. У стены выстроились стеллажи с рядами шляп, и мужских и женских. Напротив тянулись стеклянные витрины с пуговицами, мотками лент и образчиками тканей. Портновский табурет и ширма стояли без дела, но за стеклянной витриной, служившей также прилавком, слышалась какая-то возня. Когда он вошел, звенькнул висевший у дверей колокольчик, и почти сразу из-за прилавка выглянула женщина, которую он только что видел на улице. Кажется, она убирала свои вещи под стойку, но еще не успела снять ни пальто, ни шарф.

– Извините, сэр, я сейчас же вас обслужу, – сказала она, водружая на нос круглые очки с желтоватыми стеклами. Это лишь усилило ее сходство с совой, взъерошившей от холода перья. Она снова нырнула под прилавок, и ему показалось, что он услышал, как она стаскивает с ног сапоги.

– Я насчет комнаты, – сказал он, снял пальто и перекинул его через руку. Шляпу он тоже снял – подумал, что невежливо будет стоять посреди ателье с покрытой головой и в верх-

ней одежде. Но, услышав ответ, он решил было, что поторопился.

– Ах да. Понимаю. Мне очень жаль, сэр, но я уже сдала комнату.

– Даниела? – донеслось откуда-то из глубин ателье, и к прилавку, опираясь на трость, приблизилась старуха в платье, пошитом еще в прошлом веке. Ее волосы были стянуты на затылке так туго, словно она хотела тем самым вернуть былую гладкость морщинистым щекам. У старухи были живые, цепкие глаза, высокие скулы и прямая спина.

– Я здесь, *тэтка*, – отозвалась молодая женщина и снова вынырнула из-под прилавка. Пальто она до сих пор не сняла, но Мэлоун подумал, что она наверняка успела переобуться. Старуха ахнула:

– Даниела, нельзя выходить из ателье в таком виде! Мы шьем одежду. *Ты* шьешь одежду. Люди не станут тебе доверять!

– На улице холодно. – Девушка, которую называли Даниелой, задрала подбородок и принялась разматывать шарф. Мэлоун, сам того не ожидая, сразу отметил, что у нее красивые губы. Ему нечасто выпадало удовольствие отвлечься, созерцая красивый женский рот.

После шарфа пришел черед пуговиц на пальто, а затем она сняла и отбросила в сторону шляпку. Волосы, доходившие ей до плеч, цветом напоминали новенькие пенсовые монетки. Под шляпкой медные локоны наэлектризовались и лип-

ли к щекам.

Старуха сердито оглядела ее, но девушка с мягкой улыбкой провела руками по волосам и поправила очки, сдвинув их ближе к переносице. Теперь Мэлоун мог разглядеть ее с ног до головы: он признал, что она хороша собой. Темно-синее платье оттеняло ее нежную кожу, подчеркивало высокую грудь и гибкую талию. Он прочистил горло, призывая обратить на него внимание.

– Извините, – сказал он. – Надеюсь, я пришел по верному адресу.

Девушка вдруг застыла, словно успела забыть, что в ателье кто-то есть, а старуха еще сильнее нахмурилась.

– Чем мы можем помочь вам, сэр? – осведомилась старуха.

– Я пришел насчет комнаты, – повторил он.

Девушка ахнула:

– Я вас знаю.

– Знаешь? – переспросила старуха.

– Я почти уверена, что знаю вас, – прошептала Даниела.

– Не думаю, что это возможно, – возразил он. Странно было услышать такое от незнакомки, но она казалась настолько ошеломленной, что он решил не обращать внимания на ее неожиданную прямооту.

Старуха сунула в глаз монокль, висевший на шнурке у нее на шее, и воззрилась на него, словно желая получше изучить:

– Что до меня, Даниела, то я никогда прежде его не ви-

дела, – возразила она. – Ему нужен костюм по фигуре. Возможно, сэр, вы пришли заказать костюм?

Он опустил глаза, оглядывая свой костюм, купленный в магазине готового платья, и признал, что, пожалуй, мог бы одеться и попримитивней. Нынче многим нужна была новая одежда, но он полагал, что мало кто может ее себе позволить. Интересно, подумал он, как эти бедные женщины умудряются сводить концы с концами.

– У вас широкие плечи и хорошая фигура. В конце концов, можно и этот костюм подогнать, – пробормотала старуха.

– Конечно... вот только я пришел насчет комнаты, – настойчиво повторил он.

Старуха насупилась:

– Какой еще комнаты?

– Я уж-же сдала ее, сэр, – запинаясь, выговорила девушка.

Она по-прежнему не сводила с него глаз. Ему вдруг захотелось взглянуть на нее без очков. Желтые стекла не давали рассмотреть ее глаза. Если бы он увидел ее глаза, то, может, тоже узнал бы ее, подумалось вдруг Мэлоуну. Он вытащил из нагрудного кармана листок бумаги и сверился с ним:

– Женщина по имени Инес Стэйли внесла залог за месяц. Вы ничего не напутали? – спросил он.

Девушка не ответила. Она продолжала смотреть на него так, словно не слышала ни единого его слова.

– Но вы-то не Инес, – сказала старуха. Она говорила с лег-

ким восточноевропейским акцентом, но вела себя как истинная американка.

– Я не Инес. Вы правы. Но залог она внесла за меня. От моего имени. Мне сказали, что комната будет готова к сегодняшнему дню. Точнее даже, к вчерашнему. – Он уже начал злиться.

– Мэлоун? – произнесла девушка таким слабым голосом, что он едва расслышал ее слова.

– Да, меня зовут Майкл Мэлоун. – Ему казалось, что секретарша Несса не должна была называть его имени. Но, может, и к лучшему, что она сообщила им, как зовут их квартиранта.

Девушка вдруг резко осела, словно почувствовав, что вот-вот потеряет сознание, и почти исчезла за прилавком. Наверное, у нее там стоит табурет, подумал Мэлоун.

– Да что на тебя нашло, Даниела Кос? – отрывисто бросила старуха. – Ты больна?

Девушка, которую звали Даниелой, снова поднялась. Лицо у нее было белым как снег.

– Я в порядке, Зузана. Все верно, Инес Стэйли. Да. Так ее звали. – И она вышла из-за прилавка. – Я покажу вам комнату, мистер... мистер... – Она оборвала фразу, словно ожидая, что он подскажет ей свое имя, хотя сама только что его назвала.

– Мэлоун.

– Да-да. Мэлоун. Майкл Мэлоун, – словно сама себе не

веря, повторила она.

Что за странная девушка.

– Даниела! Что ты натворила? Нам нужно все обсудить! – крикнула старуха.

– Что-то не так? – спросил он. Он говорил ровным голосом, но уже готов был немедленно развернуться и уйти.

– Нет, все в порядке, – заверила его Даниела, энергично мотая головой. – Я ждала вас вчера. И не знала... я не знала... что это будете *вы*. – Она шагнула к нему, взяла у него из рук пальто и шляпу. Он отдал их ей с большой неохотой, но она не оставила ему выбора.

– Ты не знала, что это будет *кто*? Кто, Даниела? Кто этот мужчина?

– Зузана, мистер Мэлоун – наш новый квартирант. Он будет жить в комнате внизу. Как мы и договаривались. Залог уплачен. И сумма по договору, за следующие шесть месяцев. Мы ведем себя очень... невежливо.

Старуха смотрела на Даниелу так, словно у той выросла еще одна голова. Мэлоун ее вполне понимал. Все здесь казалось ему крайне странным.

– Следуйте за мной, мистер Мэлоун, – произнесла Даниела, не выпуская из рук его пальто и шляпу.

Старуха – Зузана – пропустила Даниелу вперед, а Мэлоуну преградила путь своей тростью.

– Сэр, нам нужна рекомендация, – величественно произнесла она. – Кто вы такой и чем занимаетесь?

– Как я уже сказал, меня зовут Майкл Мэлоун. Я... консультант.

– И кого же вы консультируете, мистер Мэлоун?

Он помедлил. Он не знал, о чем им уже сообщили, и не хотел наговорить лишнего.

– Он из полиции, – мягко ответила за него Даниела. – Ведь так, мистер Мэлоун?

– Да, – признал он. – В некотором роде. – Наверное, Инес Стэйли ей что-то такое сказала.

– Ты жульничаешь, Даниела, – возмутилась старуха. – Я хочу услышать обо всем от мистера Мэлоуна, а не от его одежды.

Жульничаешь? Мэлоун устоял на женщин, совершенно не понимая, что происходит.

– И вы не женаты? – продолжала допрос Зузана.

– Я... недавно... овдовел.

Это известие явно смягчило старуху. По всей видимости, вдовцы ей нравились больше, чем холостяки. Особенно холостяки его возраста.

– Бог мой. Как ужасно. Мне так жаль Айрин, – выпалила Даниела.

– Даниела, – осадила ее старуха, – ты слишком многое себе позволяешь!

Даниела устояла в пол, залившись густым румянцем. Значит, Инес Стэйли включила в рассказ о будущем квартиранте даже имя его покойной жены. Это уже никуда не годи-

лось. Мэлоун был страшно недоволен Нессом. И всем, что здесь творилось.

– Дамы, я очень устал, – строго сказал он женщинам. – Я приехал издалека и хочу попасть в свою комнату. Если мне сейчас придется уйти, то я не вернусь. И я рассчитываю, что в таком случае вы вернете мне залог.

– Мэлоун – ирландская фамилия. Но вы на ирландца не слишком похожи, – бросила Зузана, пропустив его угрозу мимо ушей. Правда, трость она опустила, словно разрешая ему пройти в дом. – С виду вы прямо цыган. Но цыгане мне больше по нраву, чем ирландцы.

Да божже ж ты мой.

– Прошу вас, мистер Мэлоун, идемте, – обратилась к нему Даниела и потянула его за рукав. – Я покажу вам комнату.

Она так и держала в руках его шляпу и пальто, держала крепко, словно боясь, что он уйдет. Ему отчаянно хотелось уйти. Но он пошел за ней через магазин и дальше, по длинному коридору, чувствуя, что старуха так и смотрит им вслед.

– Ваша комната здесь, внизу, – на ходу проговорила Даниела, обернувшись через плечо. – Это единственная спальня на первом этаже, она расположена в задней половине дома, в стороне от мастерской, зато рядом с выходом во двор, к нему ведет вон та лестница. Уборная здесь. – Она указала на дверь по правой стороне коридора, ровно напротив комнаты, где громоздились швейные машины и манекены, а посреди стоял стол, заваленный рулонами ткани.

Дверь в ванную была открыта. Он заглянул внутрь и увидел тяжелую ванну на львиных лапах, стойку с раковиной, а выше – их общее отражение в зеркале: изможденный ворон и жизнерадостная канарейка.

Она опять не сводила с него глаз.

– Мисс Кос? – обратился он к ней, намекая, что можно следовать дальше.

– М-м... да. Здесь прачечная. – Она указала на последнюю дверь по правой стороне коридора. – Мы охотно возьмемся стирать ваши вещи, это войдет в стоимость комнаты. Я заметила, что у вас есть машина. Если хотите, можете переставить ее в старую конюшню за домом. Там достаточно места. Но если боитесь застрять из-за того, что клиенты перегордят выезд, оставляйте машину перед домом или на подъездной дорожке. Как вам будет угодно. – Быстро и нервно проговорив все это, она провела его в последнюю дверь по левой стороне коридора.

Комната оказалась просторной, в два окна, выходивших на запад. Раздвинув тяжелые занавеси, он обнаружил, что из них открывается вид на боковой фасад похоронного дома. Тянувшаяся между домами длинная подъездная дорожка оканчивалась чем-то вроде пандуса, уводившего в подвал похоронного дома. Разумно. Покойников не принято заносить через парадную дверь.

Он вновь задернул занавеси, с одобрением отметив, что на их плотных складках совсем не было пыли. Комната выгля-

дела опрятно. У южной стены имелись камин и письменный стол, напротив – резной шкаф и широкая кровать, накрытая покрывалом в тон занавесям. Деревянный пол, лепнина на потолке, мягкий ковер на полу. Обстановка была не новой, но очень хорошо сохранившейся.

– Мы с тетками, Зузаной и Ленкой, живем наверху. Думаю, вы заметили лестницу наверх? Она прямо за дверью.

Он кивнул.

– Кухня и гостиная тоже находятся наверху, и вы можете ими пользоваться. Если хотите, можете есть вместе с нами, по крайней мере утром и вечером. В ином случае мы будем приносить вам на подносе завтрак и ужин. Обедают все в разное время, так что тут вы останетесь без нашего общества. В доме есть прислуга, Маргарет, готовит и убирает в основном она. Вы можете класть свое белье в корзину с крышкой, она стоит возле двери. Тогда Маргарет и его постирает.

– Я пока точно не знаю, сколько пробуду у вас, – предупредил он.

– Мы не будем сдавать комнату понедельно. – Теперь она словно защищалась, по-прежнему сжимая в руках его шляпу и пальто. – Только помесечно. Когда будете съезжать, предупредите нас хотя бы за месяц. Залог мы тоже оставим. За уборку и... и... – совсем тихо закончила она.

Она этим раньше не занималась, сразу видно. Он подошел и забрал у нее из рук свои вещи.

– Хорошо, мисс. Плату за шесть месяцев вы оставите себе,

даже если я съеду через неделю. И я заранее предупрежу вас, что уезжаю.

– Вы очень добры, – выдохнула она. – Но... надеюсь, вы съедете не слишком скоро. – Щеки у нее снова порозовели. Она сняла очки и убрала их в карман платья. – Это хорошая комната, – продолжала она, не поднимая глаз. – Самая большая в доме. Обычно мы пользуемся нижней ванной, пока работаем в мастерской или в магазине, но теперь, пока вы здесь, мы будем пользоваться уборной наверху. Нижняя ванная будет в вашем распоряжении.

– Разве даме с тростью так будет удобно? – спросил он, бросил на кровать пальто и шляпу и направился в угол комнаты, намереваясь поколдовать над радиатором. Тот шипел и кряхтел, но, кажется, был вполне исправен.

Он страшно заковенел. В камине лежала небольшая вязанка дров, рядом стояла коробка с трутом и огнивом. Все это ему пригодится.

– Зузана очень крепкая, – запоздало ответила Даниела, и он не сразу припомнил, о чем они говорили.

– Прошу вас, продолжайте пользоваться ванной внизу. В течение дня мне не нужна собственная ванная.

– Это очень любезно с вашей стороны. Но по вечерам мы будем наверху.

– Хорошо.

– Вам подойдет эта комната, мистер Мэлоун? – спросила она.

Он кивнул, снова бегло окинув взглядом все вокруг:

– Да. Вполне подойдет. – Вряд ли он сумеет привыкнуть к домовладелицам, но комната ему очень понравилась. Он решил, что постарается избегать общества женщин.

– Я принесу вещи из машины. Если мне что-то понадобится, я дам знать. Но, думаю, вы едва ли будете замечать мое присутствие в доме.

Даниела кивнула и скрестила руки на груди, но даже не попыталась уйти. Он двинулся к двери, надеясь, что она поймет намек и тоже выйдет.

Она пристально изучала его, крепко вцепившись пальцами себе в плечи, плотно сжав губы. Она словно чего-то ждала.

Глаза у нее были разного цвета. Левый голубой. Правый карий.

Она не отвела глаз под его взглядом, позволяя ему смотреть на себя. И он смотрел. Он всего раз в жизни видел нечто подобное... но это уже невежливо. Он отвернулся, смутившись, и взял с кровати пальто и шляпу.

– Мне нужно забрать вещи из машины и переставить ее за дом. Извините меня, мисс Кос.

– Флэнаган, мистер Мэлоун, – ответила она. – А не Кос. Меня зовут Дани Флэнаган. Кос – фамилия моих теток. И девичья фамилия моей матери. Но я – Флэнаган.

– Флэнаган, – прошептал он. Снова взглянул на нее и наконец понял – словно искра осветила его изнуренный мозг.

Картинка сложилась. – Дани Флэнаган, – ахнул он.

– Значит, вы меня помните? – В уголке ее губ таилась улыбка, но брови по-прежнему хмурились.

– Да. Помню.

– Прошло пятнадцать лет. Я бы не удивилась, если бы вы забыли.

– Пятнадцать лет, – повторил он.

– Да... ровно пятнадцать. Я познакомилась с вами ровно пятнадцать лет назад, день в день. – Она сглотнула, словно смахивая тень, омрачившую ее лицо. – Теперь вы, надеюсь, не будете считать, что я странная. Ваше появление меня потрясло.

Ровно пятнадцать лет, день в день? Бог мой. Да разве так бывает?

– Вы совсем не изменились, – сказала она.

– В отличие от вас!

Она рассмеялась:

– Еще бы. Мне было десять лет. А теперь мне почти двадцать пять.

– И день рождения у вас завтра, – продолжил он.

– Да. – Лицо ее снова потемнело. Ее день рождения был напоминанием о страшной утрате.

Он никак не мог поверить в реальность происходящего.

– Маленькая Дани Флэнаган, – проговорил он.

– Да. И офицер Мэлоун.

– Так меня никто больше не называет. Я уже давно не пат-

рулирую улицы.

– А я всегда представляла вас патрульным.

Он удивленно вскинул на нее глаза.

– Я часто думала о вас все эти годы. Думала с большой теплотой.

– Не понимаю почему. На вашем месте я бы вообще обо мне не думал.

– Вы отнеслись ко мне по-доброму. Детям легко полюбить того, кто к ним добр.

– Вы были храброй девочкой. – Храброй... и очень необычной. Она говорила невероятные вещи.

И обладала совершенно *невероятной* способностью. Теперь уже он ощутил, как у него подгибаются ноги, и осел на кровать. – Я очень устал, мисс Флэнаган. Извините меня. – И он провел рукой по лицу.

– Да... вижу. – Она еще раз взглянула на него, а потом наконец отвела глаза. – Надеюсь... я вас не огорчила. Может, нам с вами еще удастся поговорить в ближайшие дни. Мне бы этого очень хотелось.

– Конечно. – Он представить себе не мог, о чем они могли бы поговорить, но все равно кивнул.

– Мы ужинаем в семь. Прошу, присоединяйтесь. Хорошо бы нам всем немного узнать друг друга. Боюсь, мои тетушки чересчур старомодны, к тому же в Кливленде сейчас всякое творится, и все мы сильно напуганы. Думаю, вы уже слышали, что здесь по улицам... бродит... безумный мясник?

Он снова кивнул, и она наконец выскользнула из комнаты, притворив за собой дверь.

Мэлоун не хотел ужинать в обществе женщин, но он проголодался, а бродить в зимних сумерках по незнакомому району в поисках пищи ему хотелось еще меньше, чем садиться за стол с чужими людьми. К тому же стоит растопить лед. Если он останется в этом доме, пусть даже совсем ненадолго, лучше сразу покончить со всеми неловкостями.

Он дважды выходил на улицу, чтобы забрать из багажника свои вещи и переставить машину за дом, под сень строения, отдаленно напоминавшего конюшню. Во дворе похоронного дома по соседству не было никаких построек – если они и существовали когда-то, то теперь уступили место объездной дорожке, заворачивавшей на задний двор, и пандусу для разгрузки. У дома, стоявшего прямо за ним, того, в котором помещалась клиника, тоже виднелась конюшня – такая же, как у Косов, хотя стена между участками и загораживала ее почти целиком, так что видна была только крыша. Все три дома, очевидно, строились в одно время – так сильно походили друг на друга и их фасады, и общий стиль.

Держа в руках коробку с бумагами, он распахнул заднюю дверь дома, и к его ногам тут же шмыгнул, протискиваясь внутрь, рыжий кот. Мэлоун неловко отшатнулся, пропуская его, и наступил ему прямо на хвост. Рывкнув от боли, кот кинулся в новое жилище Мэлоуна и исчез под кроватью, явно

намереваясь зализать себе раны.

– Неужели это ты, Чарли? – спросил Мэлоун, поставив на стол коробку. Он опустился на корточки у кровати, приподнял покрывало, заглянул в темноту и услышал в ответ громкий, угрожающий хрип. Да, это и правда Чарли.

– Ты меня не помнишь, зато я помню тебя, – прошептал Мэлоун. – Не будь меня, ты бы до сих пор жил в Чикаго и не прятался бы под этой прекрасной кроватью.

Кот зашипел, не сводя с Мэлоуна негодующих разноцветных глаз, и тот вспомнил свою первую встречу с Чарли – так ясно, словно с тех пор прошло не пятнадцать лет, а всего лишь пятнадцать дней.

На следующий день после убийства Фленаганов, за два часа до начала смены Мэлоун отправился в книжный О’Брайана, находившийся всего в каком-нибудь квартале от дома Фленаганов, по соседству с цветочной лавкой Шофилда. И Мэлоун, и все в округе прекрасно знали, что цветочной лавкой на самом деле владеет печально известный Дин О’Бэнион, главарь хозяйничавшей в районе ирландской банды. Однако в тот день Мэлоун не задавал вопросов и не искал улик. Он пришел забрать котенка, о котором ему рассказала Дани.

Владелец книжного, Коннор О’Брайан, уже слышал о Фленаганах. Когда Мэлоун сказал, для кого берет котенка, О’Брайан отдал ему в придачу старую птичью клетку.

– Сгодится, чтобы перевезти кота в новый дом, – сказал О’Брайан, когда они устроили зверька в клетке. – Я слышал, девочку заберет семья Днеты.

Разноглазый рыжий котенок с пушистой мордочкой явно не собирался долго сидеть в птичьей клетке и сердито глядел на них сквозь тонкие прутья стенок.

– Джордж ведь ее не убивал? – спросил О’Брайан Мэлоуна, когда тот уже двинулся к выходу. – Все говорят, что убил он. Но я не верю. Джордж Флэнаган был негодяем, но убийцей не был. Он боготворил землю, по которой ступала его Лнета. И не зря. Она была слишком хороша для него. Я в это просто поверить не могу.

Нэлоун в ответ лишь кивнул и еще раз поблагодарил хозяина книжной лавки. Джорджа Флэнагана он не знал, да и ни к чему это было. Все произошедшее казалось ему страшной, гнусной нелепицей.

О’Брайан поджал губы, словно наговорил лишнего, но все же решился задать последний вопрос:

– Что станет с малышкой Дани?

– Не знаю, – ответил Нэлоун. Но сегодня у нее день рождения, и поэтому она получит своего котенка.

Он принес котенка к дому миссис Терстон и постучался, опасаясь, что эта дамочка засыплет его вопросами, но дверь открыла Дани – словно ждала, что он придет. Нэлоун сразу увидел, что она всю ночь не спала. Вокруг глаз пролегли лиловые тени, шок еще не прошел. Скоро ему на смену

придут скорбь и тоска.

Она выглядела непричесанной, буйные локоны золотисто-медных волос беспорядочно рассыпались по плечам. Прошлой ночью он не заметил, что волосы у нее рыжие. Тогда она была в низко надвинутой на лоб шапочке, из-под которой лишь чуть торчали отдельные прядки.

– Волосы у тебя почти такого же цвета, как мех у Чарли, – сказал он вместо приветствия. Она бросила быстрый взгляд на клетку с рыжим котенком, и все ее лицо вмиг сморщилось. Он сам чуть не расплакался.

– Теперь он мой? – спросила она, стараясь сдержать слезы.

– Да. Он твой.

Кот, за прошедшие пятнадцать лет потяжелевший килограммов на пять, снова зашипел на Мэлоуна, возвращая его к действительности.

– Давай-ка без грубостей, Чарльз. Мы с тобой давно знакомы. Ты все правильно понял, я буду звать тебя Чарльзом. Из Чарли ты уже вырос.

Кот не двинулся с места, и Мэлоун, оставив его под кроватью, направился в ванную. Он собирался вымыться и побриться и рассчитывал, что в его отсутствие Чарли покинет свой пост.

Он разобрал два своих чемодана – в одном лежала одежда, в другом разные мелочи, накопившиеся за годы работы

под прикрытием. Он не знал, что ему может понадобиться в Кливленде, но любил иметь при себе хотя бы самое основное. Когда он открыл дверцы шкафа, его окутал аромат роз. Он аккуратно развесил костюмы и рубашки, разложил по благоухающим ящикам белье и пижамы. Интересно, кто жил в этой комнате до него. Явно не мужчина. Он попытался вспомнить подробности о семье Дани, но не смог. Скоро он обо всем узнает.

Он сменил одну белую рубашку на другую. Решив, что на ужин с домовладелицами вряд ли следует идти при параде, он все же – на всякий случай – надел подтяжки и галстук, но от пиджака отказался. Когда он поднимался по лестнице, у него под ногами, высоко подняв хвост, проскользнул Чарли – с таким видом, словно не просидел целый час у него под кроватью.

Мэлоун пошел вслед за котом, на звуки и запах еды, и оказался в небольшой столовой, соседствовавшей с кухней. Три женщины – Дани, Зузана и третья, с которой он еще не встречался, – уже сидели за столом. Для него подготовили место во главе стола, но Чарли опередил его, вспрыгнул на стул и с презрением оглядел Мэлоуна. Дани вскочила, согнала нечестивца на пол и увела на кухню, а там принялась отчитывать, словно мать – непослушное дитя:

– Чарли, будь вежлив. Ты здесь не гость.

Зузана представила Мэлоуну свою сестру Ленку, низенькую, пухлую версию самой себя. Но если Зузана показалась

Мэлоуну резкой и неприветливой, то Ленка, напротив, лучилась улыбкой и дарила ласковым взглядом. Обеим сестрам, старухам с густыми седыми волосами и яркими голубыми глазами, было лет по сто, не меньше. Обе не сводили с него глаз на протяжении всего ужина – горячего и сытного, но все же не стоившего того, чтобы сносить их взгляды или подавлять собственное раздражение.

Трех женщин объединяло несомненное сходство. Кожа у Зузаны и Ленки была того же жемчужного цвета, что и у Дани. Обе они сморщились и согнулись под гнетом прожитых лет, но их кожа оставалась по-прежнему безупречной. Мэлоун решил, что когда-то обе женщины были красавицами. Может быть, даже такими же, как Дани.

Он украдкой поглядел на нее через стол, и взгляд ее разноцветных глаз встретился с его взглядом, но тут же скользнул обратно к тарелке. Кожа у нее была ровной и гладкой, будто взбитые сливки. Он решил было, что все дело в возрасте, но тут же напомнил себе, что ей теперь столько лет, сколько было ему, когда они встретились. Когда они встретились, он уже побывал на войне. Он успел похоронить собственных детей и уйти от жены.

Когда они встретились, Дани была ребенком. Теперь она стала взрослой.

Течение лет вдруг представилось ему странным водоворотом. Скачок от десяти лет к двадцати пяти вмещал в себя целую жизнь. Шаг от двадцати пяти к сорока годам похо-

дил на затянувшийся отпуск. Мэлоун почувствовал себя так, словно застрял в одном из романов Жюль Верна.

Он заметил свое отражение в большом зеркале, висевшем над длинным буфетом у стены, — точно так же, как заметил его в зеркале ванной, когда Дани показывала ему дом, — и, стараясь скрыть растерянность, постарался придать лицу жесткое выражение.

Он не выглядел молодо, но в юности всегда казался старше своих лет, и потому годы не изменили его так сильно, как обычно меняют людей. Глубоко посаженные глаза с опущенными книзу уголками всегда смотрели словно из тени бровей. Кожа лица, никогда не обгоравшая на солнце, казалась очень плотной, а сейчас, после целого года на ярком солнце, он загорел почти до черноты.

Глаза у тебя были такими темными, а волосы — такими черными, что мы решили было, что ты подмениш. Но потом ты улыбнулся, и отец сразу увидел, что ты его копия. Благодарение господу, что так вышло, а не то тебя отдали бы на воспитание отцу Мак Доноху.

Молли всегда рассказывала об этом с большой любовью, но Майкл в детстве всерьез беспокоился о том, не подмениш ли он. У его отца кожа всегда отливала розовым, а глаза были бледно-голубые. Как же он, Майкл, мог быть сыном Мартина и Кэтлин Мэлоун, если совсем на них не походил?

Видел когда-нибудь целый помет щенков, где один весь в пятнышках, а все остальные — нет? Или у одного шерстка

коричневая, а у других белая? Бот и с тобой так же вышло.

У Молли всегда и на все был готов ответ. Но Майкл считал свою внешность особым знаком. Он был аутсайдером. Паршивой овцой.

– Расскажите нам о себе, мистер Мэлоун, – попросила Ленка, возвращая его мысли обратно к тому, что происходило с ним прямо сейчас. – Откуда вы? И что привело вас в Кливленд?

Он был готов отвечать на вопросы, хотя и понимал, что теперь ему придется говорить куда откровеннее, чем он собирался. Но Дани знала его, и это меняло дело.

Он коротко рассказал о своей жизни. Вырос в Чикаго. Побывал на войне. Детей нет. Жена умерла. Служил в полиции. Теперь сотрудничает с министерством финансов.

– И что же вы делаете в министерстве финансов? – спросила Ленка.

– В основном я занимаюсь налогами. Консультирую местные органы власти, слежу за тем, чтобы они соблюдали требования федерального правительства, – ответил он и продолжил долго и занудно распространяться о бюджете и общественном благосостоянии, рассчитывая, что им после этого уже не захочется ни о чем его расспрашивать.

– Как увлекательно, – заметила Ленка, но не задала больше ни единого вопроса. Ни у одной из женщин вопросов больше не было.

Даниела почти все время молчала, Зузана тоже не раскры-

вала рта, лишь однажды заметила, что не любит ирландцев, и в ужасе уставилась на него, когда он назвал Дани мисс Флэнаган. Но он и правда не понимал, *как* ему ее называть. Они слишком многое знали друг о друге, чтобы вести себя как чужие. И нет, он не мог называть ее мисс Кос. Это имя казалось ему столь же неуместным, как формулы вежливости в окопе.

Он поужинал настолько быстро, насколько позволяли приличия, сразу же попросил его извинить, пожелал дамам спокойной ночи и направился вниз, в свою комнату, зная, что они станут его обсуждать, едва он закроет за собой дверь.

* * *

– Он сказал, что мы можем оставить себе арендную плату за все шесть месяцев, даже если он съедет раньше, – сказала тетушкам Дани. – Он будет хорошим квартирантом.

– В наши дни ни у кого нет таких денег. Во всяком случае, не у приличных людей, – объявила Зузана, бросив скомканную салфетку в свою тарелку.

– Он работает на правительство, – возразила Ленка.
Зузана фыркнула:

– И что с того? Правительству верить нельзя.

– Он хорош собой, – прошептала Ленка. Правда, шептала она громче, чем говорила. – Люблю, когда у мужчины хватает волос на голове.

– Говоришь, он хорош собой? – раздраженно бросила ей Зузана. – Так Расскажи нам, Ленка, чем же он так хорош? Ты без очков и пуговиц на своем платье не разглядишь! Может, на самом деле он выглядит как собака, что рыщет у задней двери закусочной!

– Но он ведь не выглядит как та собака! Совсем нет! Он хорош собой. И фигура у него складная. И от него хорошо пахнет. – Ленка шумно втянула носом воздух. – Я до сих пор чувствую его запах. Думаю, он перед ужином принял ванну.

– Ленка, да бог ты мой, – оборвала ее Зузана.

– Хорошо, когда в доме снова есть мужчина, – обиженно отвечала Ленка.

Последним мужчиной в этом доме был их брат Павел, да и тот умер уже лет пятнадцать назад. Он был младшим из четырех детей и единственным, кто завел семью и детей. Правда, ни семья, ни дети долго не продержались. Его жена умерла, когда Анете, матери Даниелы, было три года. С тех пор девочку воспитывали старшие сестры отца, ни одна из которых так и не вышла замуж.

– *Ничего* хорошего в том, что у нас в доме мужчина, нет, – объявила Зузана. – Не думаю, что ты сильно обрадуешься, когда он разрубит тебя на куски и выбросит в Кайахогу.

– Даниела говорит, что у него на машине чикагские номера, – парировала Ленка. – Мясник орудует в Кливленде уже три года. Не думаю, что мистер Мэлоун из Чикаго и есть Мясник из Кингсбери-Ран. К тому же Расчленитель не уби-

вает старух. Ты сама говорила об этом, сестрица.

– Пока не убивает, – буркнула Зузана так, словно ей нравилось бояться за свою жизнь.

– Он так молод, а уже овдовел, – заметила Ленка.

– Я то же самое подумала! – Зузана воздела палец к потолку. – Может, он и ее убил.

– Зузана! – ахнула Дани.

– Плевать мне на то, что он говорит. Он мне не внушает доверия. Может, он укрывается от правосудия.

– Ты ведь сама слышала, *он* и есть правосудие! Значит, его присутствие должно тебя успокоить. С ним нам будет безопаснее.

Зузана ненадолго затихла, но тут же вновь оживилась:

– А ты, Даниела, так странно вела себя, когда он пришел. Я уж решила, что у тебя припадок. А потом вдруг повела его осматривать дом и пригласила на ужин.

– Я... действительно не ожидала, – призналась Дани.

– Чего ты не ожидала? – спросила Ленка.

– Увидеть его.

Дани взяла в руку пустой стакан, поставила его обратно на стол. Лучше сразу обо всем рассказать. Тетушки не любят говорить о Чикаго. И о ее родителях. Но ей следует рассказать им про Майкла Мэлоуна – хотя бы ради того, чтобы их успокоить.

– Я познакомилась с ним много лет назад, – начала Дани. – Это тот самый полицейский, который привез меня сю-

да из Чикаго после того... как умерла мама. Он был ко мне очень добр. Он подарил мне Чарли и присматривал за мной в поезде. Вот почему я так удивилась, встретив его сегодня. Странное совпадение. Странное, но приятное.

Тетушки смотрели на нее, раскрыв рты. Зузана первой пришла в себя и поджала губы.

– Боже милосердный, – выдохнула Ленка. – Какое, должно быть, потрясение для тебя.

– Он знает, кто ты? – спросила Зузана.

– Да. Я рассказала ему, когда показывала комнату. Он сразу вспомнил меня. Конечно, он знает меня как Дани Флэнаган, и вам придется простить ему, что он будет так меня называть. Но... думаю, он удивился не меньше, чем я.

– Невероятно, – произнесла Ленка.

Зузана вновь фыркнула:

– Это еще не значит, что ты его знаешь. Ты была ребенком. Мы не имеем ни малейшего представления о том, чем он теперь занимается, – возразила она. Она никогда и никому не доверяла.

– Нет, *тэтка*. Ты неправа. Я очень многое о нем знаю. А он... многое знает... обо мне.

* * *

Мэлоун разделся и повесил одежду в шкаф, снова отметив, что из него пахнет розами. Хорошо, что не пахнет ко-

том. Ему показалось, что Чарли считает комнату своей. Но это изменится. От встречи с котом у него по телу поползли мурашки. А может, все дело в доме. Или в женщинах. Или в одной только Дани, в том, какой она была в детстве.

– Бедная Дани Флэнаган. Странная маленькая Дани Флэнаган, – сказал он вслух и тут же устыдился себя самого. Она действительно была странной. Но не только. Слово «странный» сводит человека к одним только странностям. К плоским, бесчувственным явлениям, которые следует изучать и исправлять. Люди заслуживают большего. И Дани Флэнаган тоже заслуживает большего.

Он забрался в постель и выключил лампу, не заботясь о том, что было лишь около восьми вечера. Он смертельно устал и не хотел больше ни о чем думать. Он жаждал тьмы, забытья. Но теперь, в тишине его нового дома, ему вдруг вспомнилось долгое путешествие поездом, когда он вез маленькую Дани Флэнаган в Кливленд.

Ее отправили к родственникам, а ему велели ее сопровождать.

– Она тебя знает, – сказал тогда Мерфи. – Будет правильно, если ты ее отвезешь. На вокзале ее встретит родня. Тебе просто нужно ее довезти.

Дани держала птичью клетку на коленях, и котенок, казалось, был рад своему новому домику. Пассажиры улыбались ей и отпускали комментарии по поводу неуместного обитателя птичьей клетки, но Дани сидела не поднимая

глаз и улыбалась в ответ, а когда нужно было ответить, говорила лишь «да» или «нет». Наверное, она слишком устала. Едва поезд тронулся, как она стала клевать носом. Мерный перестук колес отогнал прочь все ее мысли.

Он сложил свое пальто и накрыл им клетку, сделав для Дани подушку. Она опустила на нее голову и проспала часа два, проснувшись лишь оттого, что котенок принялся громко мяукать. Она подняла на Мэлоуна ошоловевшие глаза, и он вновь изумился их цвету, тому, как сильно они отличались друг от друга.

Он отметил тот миг, когда она обо всем вспомнила. Так будет еще какое-то время – всякий раз, просыпаясь, она будет чувствовать этот ужас, эту непереносимую боль. Но постепенно она привыкнет к тому, что их больше нет. Мэлоун не знал, что хуже – вновь и вновь забывать или все время помнить.

– Можно мне ненадолго вынуть Чарли из клетки? – спросила она.

– Нет, Дани. Сели он убежит, будет хуже.

– Он хочет пить.

– Я больше беспокоюсь о тебе. Хочешь есть?

Она кивнула. Он вытащил купленные на вокзале бутерброды, протянул ей один из них и бутылку лимонада. Еще он прихватил фляжку с водой, для котенка.

– Сложи руку в горсть, вот так. – Он показал Дани, как сложить ладонь в чашечку, и приоткрыл дверцу клетки,

чтобы она смогла просунуть ее внутрь. Чарли вылакал всю воду своим крошечным язычком, и Дани радостно рассмеялась.

Вскоре после этого в их купе вошла женщина. Глаза у нее были совершенно пустые. Она поджимала губы и глядела на Дани так, словно та ей не нравилась. Хотя, возможно, все дело было в котенке. Она несколько раз чихнула и попросила проводника пересадить ее в другое купе. Вставая, чтобы уйти, она уронила шаль, прикрывавшую ей плечи, и Дани нагнулась и подняла ее.

– Мэм? – окликнул Мэлоун.

Женщина обернулась и выхватила шаль из рук Дани.

– Мне жаль вашего Джимми, – произнесла Дани голосом, в котором слышалось искреннее сочувствие.

Женщина побледнела, ноги у нее подкосились. Мэлоун придержал ее под локоть, боясь, что она упадет, но женщина почти сразу выпрямилась.

– Что ты сказала, девочка? – вскрикнула она.

– Я сочувствую вашему горю, – произнесла Дани, чуть переиначив свои слова.

– Это дьявол во плоти, – бросила женщина Мэлоуну, словно ставя ему в вину поведение Дани. Когда она медленно выходила из купе, по щекам у нее катились слезы.

Мэлоун недоверчиво взглянул на девочку:

– Дани, почему ты это сказала? Кто такой Джимми? Ты что, знаешь эту даму?

– Нет. Я ее не знаю, – ответила Дани, не поднимая головы.

Он ждал объяснений, но она лишь отщипнула от бутерброда кусочек и просунула его в клетку Чарли.

– Дани, кто такой этот Джимми? – не отставал Мэлоун.

Она тяжело вздохнула:

– Не знаю. Кто-то, кого она потеряла. Она его любила. Он умер. Она злится. И горюет.

– Понятно. Но как ты об этом узнала?

– Мне рассказала об этом шаль.

– Тебе... рассказала об этом... шаль, – без всякого выражения повторил он.

– Да, – подтвердила она.

Он потрясенно молчал.

– Простите, мистер Мэлоун. Мама говорила, чтобы я никому не рассказывала свои истории. Но этой даме было так грустно... и я не сдержалась.

– Твои истории. – Он чувствовал себя полным кретинном, машинально повторяя за Дани произнесенные ею слова, но все никак не мог уловить смысл. – Что еще за истории? Ты их сама сочиняешь?

– Я их рассказываю. Но мне кажется, что они правдивы.

– Расскажи мне какую-нибудь историю.

– Я не могу сама их придумать.

– Откуда ты их берешь?

– Мне нужно что-то держать в руках.

– Что, например?

– Ткань. Или что-то еще. Но чаще всего ткань. Материя говорит со мной, потому что я из Косов. – Она сказала что-то вроде «из Кошов», и в ее словах чувствовалось какое-то тайное величие.

– Из Косов? – Ну вот, снова за старое.

– Мой прапрадед Кос шил костюмы для императора.

– Какого еще императора?

– Не знаю. Это было где-то не здесь. Не в Америке.

– М-м. – Он ненадолго задумался, но почти сразу же повернулся обратно к Дани. – Так значит, шаль той дамы рассказала тебе, что она потеряла кого-то по имени Джимми.

– Мне сложно объяснить. – Она подняла на него умоляющие глаза. – Я не хотела ничего говорить. Я знаю, что лучше мне молчать. Но я устала. Когда я устаю, слова иногда сами выскакивают у меня изо рта.

– И ты говоришь то, чего не хотела сказать? – с надеждой продолжил он.

– Нет. Не то, что я не хотела сказать. То, что мне не следовало говорить.

– Почему не следовало?

– Потому что люди меня не понимают. И пугаются.

– Когда я дал тебе Зайчика – маленького тряпичного зайца, – ты сказала, что это зайчик Мэри, – мягко произнес он. Эта история не давала ему покоя.

Она кивнула:

– Поэтому я отдала его вам, когда вы уходили.

Он сунул руку в карман и вытащил зайца. Протянул ей.

Она не сразу его взяла.

– Бери, – сказал он, и она повиновалась, сжала игрушку в руке.

– Вы на меня злитесь, Мэлоун? – спросила она.

– Нет. За что мне на тебя злиться?

– Мама говорила, что люди часто злятся, когда им страшно.

– Я не злюсь. И мне не страшно.

Она с сомнением взглянула на него и прикусила губу, словно знала наверняка, что на самом деле ему сейчас страшно.

– Мэри – это моя дочка, – прошептал он. – Ты была права. Это был ее зайчик.

– Она заболела, – сказала Дани. Не спросила. Мэлоуну так хотелось узнать, о чем еще ей расскажет зайчик.

– Да. Она заболела. И умерла. Около полугода назад.

– Мне жаль, – сказала Дани. Он видел, что она говорит искренне.

– Мне тоже ужасно жаль.

– Вы пели ей колыбельные. Но я слышу только одну песню, – пробормотала она, сжимая в руках зайчонка.

– Я всегда пел ей одну и ту же песню.

Она начала напевать его колыбельную.

– Я ее никогда раньше не слышала.

Иисус, Мария, Иосиф. Он соврал. На самом деле ему было до смерти страшно. По спине бежали ледяные мурашки, а в животе разрастался огненный шар. Он взял из рук Дани зайчика, но вместо него дал ей свой носовой платок. Этот платок подарила ему Айрин, когда он отправлялся во Францию. В уголке сплетались их вышитые инициалы.

– Расскажи мне другую историю, – попросил он.

Дани взяла платок и расправила у себя на коленках. Несколько раз провела по нему ладонью, обвела пальцем инициалы.

– Айрин – это ваша жена? – спросила она.

– Какая Айрин? – спросил он мягким и ровным голосом.

– Айрин... красивая женщина, которая вышила эти буквы, – сказала она, коснувшись инициалов.

Ему захотелось вырвать платок из рук Дани и покончить с этим безумным разговором. Но господи, он ей верил. И как же он был потрясен.

– Расскажи еще.

Она сморищла нос и склонила голову.

– Вы уезжали от нее, и она боялась, что вы не вернетесь. – Она поднесла платок к лицу и сделала глубокий вдох. – Она сбрызнула платок своими духами, чтобы вы о ней помнили. Но я не чувствую запаха. Наверное, это было давно.

– Так и есть. – Ему казалось, что с тех пор прошла целая жизнь. Он никогда не пользовался этим платком. Не

хотел его пачкать. Несколько дней назад он нашел его на дне коробки с его вещами, которые хранились у Молли, пока он был на войне. Он пытался разобрать все свои вещи. И в порыве сентиментальности сунул платок в карман, к зайчику Мэри.

— Откуда можно все это узнать? — изумленно проговорил он, ни к кому не обращаясь, но Дани решила, что его вопрос адресован ей.

— Я просто знаю, и все.

— В этом нет никакого смысла.

— То, что вы не можете что-то понять, не значит, что в этом и правда нет смысла, — прошептала она, и он не смог ничего возразить.

— Что еще ты видишь? — спросил он.

Она сложила платок в небольшой квадратик и еще с минуту подержала в руках.

— Большие я ничего не вижу. Я только чувствую вас. — Она пожала плечами. — Может быть, это оттого, что платок лежал у вас в кармане. И все.

— Ты чувствуешь меня? Что ты имеешь в виду?

Она снова пожала плечами:

— Просто... ваше присутствие. Как когда вы сидите рядом со мной и мне не нужно смотреть на вас, чтобы это чувствовать. Вы теплый, большой, и от вас пахнет чистотой.

— М-м, — буркнул он. Он вспомнил цвета из своего дет-

ства, оттенки, окружавшие разных людей, то, как он пытался описать это матери.

– Вы верите мне, Мэлоун? – спросила она.

– Да, Дани, – прошептал он. – Пожалуй, да.

Она вздохнула, так сладко, словно он дал ей кусок пирога с шариком мороженого в придачу, и закрыла глаза.

– Мама с папой говорили, что мне нельзя никому рассказывать эти истории. И я не рассказываю. Но я все равно знаю разные вещи. Ничего не могу с этим поделать.

– Ты рассказывала об этом кому-то еще?

– Почти никому. Мама отправила меня в школу, но монашки на меня сердились. Мама говорила, что мне нужно ходить в варезках, чтобы ничего не касаться и не попасть в беду, но монашкам это тоже не нравилось. И потом, в варезках сложно писать. К тому же порой истории просто выскакивают у меня изо рта. Монашки сказали маме, что у меня злая душа. И тогда мама забрала меня из школы.

После этого он уже не слишком следил за ходом беседы, но в самом конце Дани взяла с него обещание.

– Вы найдете того, кто их убил? – спросила она.

В первый миг ему захотелось просто потрепать ее по затылку, лишь бы не давать обещаний.

– Не знаю, Дани. Мой начальник считает, что твой папа убил твою маму. А потом застрелился сам. – То была жестокая правда, но Дани была не из тех детей, кому легко можно солгать.

— Но вы думаете иначе. Я ходила в вашем пальто. Мэлоун потрясенно уставился на нее.

— Вы надели на меня свое пальто, — пояснила она.

— И что?

Она вздохнула — так, словно знала, что ему не понравится то, что она сейчас скажет.

— Человек, решивший покончить с собой, не станет стрелять себе в грудь. Он станет стрелять себе в голову. Вот что вы подумали, когда увидели их... когда увидели папу. Так?

— Бог мой, девочка.

— Папа этого не делал. Это сделал кто-то другой. Найдите его. Никто, кроме вас, не станет его искать.

Мэлоун не пришел завтракать, и Дани, собрав для него поднос, постучалась в дверь его спальни. Она знала, что он уже встал. Она слышала, как он выходил в ванную, как вернулся к себе. В коридоре, перед закрытой дверью его комнаты, витали запахи мыла и лосьона после бритья.

Дани постучалась еще раз, одной рукой прижимая поднос к груди:

– Мистер Мэлоун?

Он не откликнулся.

– Мистер Мэлоун? Я принесла вам завтрак. Я оставлю поднос у двери. Я просто хотела сказать, что поставлю его здесь.

Дверь распахнулась, на пороге показался Мэлоун, свежес выбритый, с зачесанными назад темными волосами, открывавшими квадратный лоб. Тени под его глубоко посаженными, грустными глазами почти исчезли. Он приветливо поздоровался с ней, но не улыбнулся. Дани хотелось бы увидеть его улыбку. Она подозревала, что улыбка преобразует его лицо. Может, поэтому-то он и не улыбался. Преображение могло оказаться пугающим.

Одет он был так же, как и накануне, – в белую рубашку и серые брюки, с черными, в цвет туфель, подтяжками. Ни галстука, ни пальто на нем не было – по крайней мере пока.

Но Дани показалось, что он собирается уходить.

– Не нужно было, – сказал он, взглянув на поднос, но тут же поспешил к столу и сдвинул в сторону стопку папок с бумагами. – Я собирался подняться наверх... но проспал чуть дольше, чем следовало.

– Сон пошел вам на пользу, – заметила она. А еще заметила, что в ее присутствии он по-прежнему чувствует себя неловко.

Интересно, помнит ли он все, что было. Ей казалось, что помнит. Накануне, за ужином, она подметила смятение во взгляде, который он на нее бросил. Ей был знаком этот взгляд. Она много раз его подмечала. Этот взгляд означал, что он считает ее особенной.

Интересно, можно ли ей обращаться к нему по имени. Ей не нравилось называть его мистером Мэлоуном. Произнося это имя, она всякий раз вновь чувствовала себя десятилетней девочкой, что сжимала в руках тряпичного зайчика и ждала от полицейского подтверждения тому, что и так уже знала. *Они ведь умерли?*

Она кашлянула, разгладила юбку:

– У меня есть одна ваша вещь, мистер Мэлоун. – Лучше сразу покончить с этим. Она достала из кармана его носовой платок и положила рядом с подносом. Платок был аккуратно сложен, в уголке виднелись инициалы. Мэлоун замер.

– Я не собиралась его брать, – объяснила она. – Но в тот день, когда я сошла с поезда, он оказался у меня в кармане

пальто.

Он молчал. Просто глядел на маленький белый квадратик, не вынимая рук из карманов.

– Вы все это время его хранили? – спросил он наконец, подняв на нее глаза.

Она пожала плечами:

– Я не могла его просто выбросить. Он ведь ваш.

– М-м.

– Простите меня. Наверное, вы его искали.

– Нет. – Он помотал головой. – Не искал. Это печальное напоминание.

Она не знала, что сказать. Может, ей лучше забрать этот платок? Прошлое затягивало их в водоворот, окружало вопросами и сомнениями, неверием и отрицанием. Она не могла больше терпеть повисшее в комнате мучительное напряжение и повернулась, собираясь уйти.

– Вчера, когда я назвал вас мисс Флэнаган, ваша тетя меня исправила, – заметил он, стараясь ее удержать. – И теперь я не знаю, как мне вас называть.

– Тетушки считают, что мой отец был бандитом и негодяем, который убил мою мать. Они даже имени его не произносят, – мягко пояснила она.

– Я так и подумал. Вряд ли вам стоит на них обижаться. Они верят в то, что им сказали.

– Да, пожалуй. Я зовусь их фамилией, потому что они попросили меня об этом, когда я переехала к ним. Тогда мне

нужно было знать, что я принадлежу к ним, что я — часть семьи. Но я с этим до сих пор не смирилась. Я считаю себя Дани Флэнаган. Здесь, в глубине души, — она прижала руку к груди, — я говорю себе, что все это не имеет значения. Мама и папа поняли бы меня. Но все равно я будто бы их предала.

— Как мне вас называть?

— Можете звать меня Даниелой... или Дани. Мне бы хотелось называть вас Майклом... или хотя бы Мэлоуном. Думаю, так будет чуть менее странно.

— Не могу представить себе ничего более странного, чем все это, — сказал он. Но теперь выражение его лица смягчилось. — Вам хорошо жилось, Дани? Я переживал за вас. Думал о вас.

— Я тоже думала о вас. Вы мне поверили. Я не забыла об этом. — Она не стала объяснять, что имеет в виду. Решила, что в этом нет необходимости.

Он немного помолчал, и она подумала было, что он изобразит недоумение. Но он лишь сказал:

— Вы говорили так убедительно. И у вас не было причин лгать.

— Не было. Ни единой. И до сих пор нет. По крайней мере, не вам.

— Почему? Почему не мне?

— Потому что... вы и так все знаете. — Она робко улыбнулась ему, но он по-прежнему смотрел на нее грустным взглядом.

– Как бы там ни было, Дани... я никогда не думал, что ваш отец убил вашу мать. Не верил в это. Но я был простым патрульным. Молодым. Совсем зеленым. И мне велели молчать. Дело закрыто, сказал мне начальник. Но я знал. И все чертово отделение тоже знало.

Она прислонилась к стене, чтобы не упасть. Странностей у него не меньше, чем у нее. И они, совершенно чужие друг другу люди, говорят друг с другом так откровенно. Без пустой болтовни, без обвиняков обсуждают убийство и недобросовестных полицейских. У нее закружилась голова. Она решила, что это от облегчения. *Как же хорошо, что они это обсуждают!*

– Тетушки говорили, что мой отец был контрабандистом, – сказала она. – Путался с бандой ирландцев. Так им сказали в полиции. Думаю, так все и было на самом деле. Его часто не бывало дома, он работал безо всякого расписания. Мама переживала. Поэтому, думаю, они и ссорились. Но он бы не убил маму. Себя, может, убил бы. Но точно не ее. Он бы с ней так ни за что не поступил. И со мной.

Мэлоун молчал.

– Я была ребенком. Не знала ничего... кроме того, что они без ума друг от друга. Я это видела. Я это помню. И теперь воспоминания о том, какими они были, приносят мне утешение. Мало кому из нас дано такое изведать. Многие из нас встречают любовь. Но не такую. – Она сглотнула, пытаюсь остановить поток слов, рвавшийся на волю. Ее рассказ

звучал так пылко... и так глупо. Но Мэлоун медленно кивнул ей в ответ.

– Мистер О’Брайан сказал мне примерно то же самое, когда я пришел за Чарли.

– Мистер О’Брайан так сказал? – прошептала Дани. Благослови его бог за это. – В полиции моим тетушкам сказали, что отец в спешке бросил машину у дома и вошел – нет, вбежал, – выкрикивая мамино имя. Он злился. Через несколько минут слышались выстрелы. Что из этого правда?

– Думаю, когда ваш отец вошел в дом, там уже кто-то был. Ваш отец *и правда* был контрабандистом. Может, он перебежал кому-то дорогу. Попытался переманить покупателей, отобрать заказы у поставщиков. Может, попался под ноги кому-то из крупных дельцов. Из гангстеров. Или, может, он решил начать собственное дело, а им не нужны были конкуренты. Честно говоря, я не знаю. Но тогда эта история наделала много шума. Хотя картинка и не складывалась. Но все говорили как по нотам. Соседи. Полицейские. Газетчики. Все рассказывали ровно то, что должны были. И никто больше не пострадал.

– Никто больше не пострадал?

– Никто, кроме вас, – мягко пояснил он. – Я вскоре уехал из Чикаго. Но постарался исправить дело, когда мне представилась такая возможность. Можно сказать, я сумел отплатить за Джорджа Флэнагана.

– Что вы имеете в виду?

Он вздохнул — так, словно ему не хотелось вдаваться в подробности. А потом качнул головой, отказываясь продолжать этот разговор.

Они помолчали. Дани чувствовала, что у нее по-прежнему кружится голова.

— Я с тех пор не бывала в Чикаго, — сказала она. — Не знаю, где их похоронили. Никогда не видела их могил.

— Их похоронили вместе. Недалеко от моей... — Мэлоун помедлил, словно не желая продолжать. Но она ведь знала. И от смущения даже не попыталась это скрыть.

— От Айрин? — спросила она. Вчера, в ателье, она уже упоминала Айрин. Может, тогда он не расслышал ее слов. Зато теперь он все четко расслышал и побледнел.

— Я держала в-в руках в-ваше пальто, — запинаясь, пояснила она. — Вы, наверное, надевали его на похороны? Это ведь были ее похороны... да?

— Да. — Он кивнул в знак согласия. — Это были похороны Айрин. Я похоронил ее в первый день Нового года. Но вы наверняка уже знаете об этом. — Его ответ прозвучал резко и холодно, и Дани вздрогнула, словно от боли.

Слишком много, Дани. Слишком много правды. Ты его пугаешь.

— Нет. Я об этом не знала. Я не все вижу... и редко понимаю, что именно вижу. К тому же я редко допускаю подобные ошибки.

— Какие еще ошибки, Дани?

– Мне не следовало говорить вам об этом. Обычно я молчу о том, что знаю. Но вчера, когда вы внезапно вошли к нам в ателье... спустя столько лет... я была потрясена. И не совладала с собой.

Я и сейчас не слишком собой владею. Извините меня.

Он снова кивнул, но чувство близости и откровенности, объединившее их, уже рассеялось. Они снова были чужими друг другу. Он настороженно глядел на нее. Она скрестила руки на груди. На сегодня им обоим достаточно. Она двинулась к двери.

– Дани?

– Да?

– С днем рождения, – мягко сказал он.

Она молча кивнула, прямо как он минутой раньше, и вышла, оставив его в неловкой тишине, наедине с давно остывшим завтраком.

* * *

Сначала он хотел все отрицать. Его злило, что Дани влезла в то, что касалось его одного, и *призналась* в этом ему. В конце концов, она могла бы *притвориться*. Но он не хотел врать насчет Айрин. Айрин умерла, и Дани это было известно. Дани многое было известно.

Она так и не выросла из своих «историй».

Он чувствовал себя уязвимым, словно вдруг оказался под

пулями, не имея при себе пистолета, или вошел в помещение, где полно незнакомых людей, а выхода нет. Внутренний голос кричал ему, что надо бежать, но он уже давно выучил, что бегущий человек вызывает подозрения, привлекает ненужное внимание. Вместо того чтобы бежать со всех ног, он не двигался с места – и эта тактика уже много раз спасала его от смерти. Но сейчас он был растерян, ошеломлен. В первый раз за пятнадцать лет он вдруг подумал, что, возможно, не справится. Придется сказать Элиоту, что ему нужно другое жилье, или просто признаться, что это задание ему не по силам.

Он выждал, пока из ателье не послышались голоса женщин – Ленка с Зузаной о чем-то спорили, Дани молчала, но он отметил, что она быстрым, легким шагом спустилась по лестнице и торопливо прошла мимо его двери. Еще один голос, распевавший песню на незнакомом ему языке, слышался от задней двери дома – скорее всего, из прачечной: это прислуга, решил он.

Определив, где находятся все обитательницы дома, он отправился в швейную мастерскую, к телефону, который Дани указала ему накануне. Он позвонил в офис Элиота Несса, и его тут же соединили.

– Мэлоун. Ты устроился?

– М-да, хотя я никак не возьму в толк, где ты отыскал эту комнату.

– Ав чем дело? Тебе там не нравится?

- Нет, комната хорошая. Просто... я знаком с хозяйкой.
- Знаком с хозяйкой? – изумленно переспросил Элиот.
- Да. Она знает меня. С прежних времен. Когда я был патрульным.

Несс молчал, но Мэлоун чувствовал, что тот раздумывает.

- И ты считаешь, что это проблема? – спросил Элиот. – Не понимаю, чем это может нам помешать.

Мэлоун вряд ли сумел бы ему ответить. Так что он просто спросил напрямик:

- Мне любопытно, как ты вышел на нее. Сюрпризы я не люблю. И в совпадения не верю.

- Когда я узнал, что ты, возможно, свободен, то попросил помощницу подыскать жилье. Она увидела объявление в газете и сняла комнату.

- Потому что это рядом с Кингсбери-Ран, – продолжил Мэлоун.

- Ну да. И прямо напротив больницы Святого Алексиса.

- А это тут при чем?

- Я тебе все расскажу. – По его голосу Мэлоун понял, что Элиот не хочет обсуждать это по телефону. – У меня есть время в пятницу. Давай я заеду за тобой, где-нибудь в час. Жди меня возле дома. Не хочу за тобой заходить.

- Почему?

Несс вздохнул:

- Потому что в городе меня знают. Это не слишком удобно, так что, раз мы хотим сохранить все в тайне, будем встре-

чаться в машине. Или приходи ко мне как-нибудь вечером.
– Хорошо. До пятницы.

Мэлоун с озабоченным видом вышел из швейной мастерской и чуть не столкнулся с краснощекой, рыжеволосой женщиной, которая словно вся состояла из одних округлостей.

Завидев его, она взвизгнула, но тут же выпростала ему навстречу пухлую руку и приветственно встряхнула его ладонь:

– Я Маргарет, – с широкой улыбкой объявила она. Акцент у нее был сильнее, чем у Зузаны и Ленки, вместе взятых. – А вы, наверное, мистер Мэлоун. Я о вас позабочусь, не тревожьтесь. Накормлю, обстираю, приберусь. Если вам что-то нужно, зовите Маргарет. – Она кивнула, словно уже обо всем с ним договорилась, и, не дожидаясь ответа, поспешила прочь, но на ходу обернулась поглядеть на него: он заметил ее взгляд, когда входил к себе в комнату. В этом доме за ним все время будут следить.

Было всего десять утра, но его снедала непонятная тревога. Сидеть взаперти не хотелось, хотя он до сих пор так и не коснулся груды бумаг, высившейся у него на столе. Этим можно заняться позже, после того как Несс расскажет ему о том, что нельзя обсуждать по телефону.

Он решил прогуляться, но перед этим перенес бумаги в машину и запер дверцы. Ему вовсе не хотелось, чтобы Маргарет обнаружила фотографии отрубленных рук и ног и побежала к хозяевам. Придется четко установить для нее гра-

ницы: ему не хотелось, чтобы она свободно входила в его комнату. Но это вполне могло подождать. Сейчас ему нужно было проветриться.

В бутербродной, лепившейся к частной клинике на углу Бродвея и Першинг, он купил столько сэндвичей, что хватило бы на целую армию. Он не знал, что любят женщины из семейства Кос, но счел, что это не слишком уж важно. Если они не слишком отличаются от других жителей Кливленда – да, собственно, и от прочих американцев, – они оставят на ужин то, что не съедят на обед. Дани принесла ему завтрак, и потому он считал, что должен позаботиться об обеде. Он всегда старался поддерживать равновесие в подобных делах, щепетильно следил за этим.

Он занес сэндвичи в ателье, оставил на стойке у входа и выскользнул обратно на улицу. На звон колокольчика из задней комнаты выглянула Дани, но он лишь махнул ей рукой со словами:

– Я принес вам обед, – и двинулся дальше, по своим делам.

Он свернул к югу и пошел по Бродвею к Восточной Пятидесят пятой, решив прикупить разных мелочей и осмотреться. Две главные артерии района сходились на элегантном перекрестке. Украшенные арками здания красного кирпича, где помещались театр, бакалея, банк и библиотека, подступали прямо к мостовой. Прямо за театром, на Пятидесят пятой улице, стояло здание Пятого полицейского участка – на-

до будет запомнить. Он двинулся дальше к югу, к церкви Богоматери Лурдской, занимавшей соседний квартал, и скользнул внутрь. Вот-вот должна была начаться полуденная месса.

Он не был истово верующим, но знал, что многие сочли бы его таким. Вера давала ему прочный фундамент, была якорем, державшим его на плаву. Именно в этом он и нуждался. Ему нужны были правила, четкая структура. Нужен был покой, чувство облегчения, которое даровала исповедь.

Выходя из церкви, он всегда чувствовал себя лучше, чем когда входил. Не потому, что церковь давала ответы на все вопросы, но потому, что ответы, которые давала она, устраивали его больше, чем его собственные. Церковь удерживала его от того, чтобы пустить себе пулю в лоб. Раз или даже два раза в жизни он был к этому близок. Пятнадцать лет назад, когда ему встретилась Дани Флэнаган, он даже разработал подробный план действий.

Перед сменой он почистил оружие. Обычно эти действия – разобрать пистолет, снова его собрать – его успокаивали. Но в тот день все было иначе. В тот день они его словно подначивали. Это так просто. Он не боялся. Он знал, что ничего не почувствует. Тот, кто больше совсем ничего не чувствует, обретает мир и покой. Решение казалось единственно верным. Нажать на курок и со всем покончить.

При мысли об этом он испытал блаженство.

Все его дела были в полном порядке. Айрин получит его

армейское пособие и небольшую выплату от полицейского профсоюза. Она так и жила с родителями. Она была их единственной дочерью, и они в ней души не чаяли. И в Мэри тоже. Когда он вернулся из Франции, они и с него пылинки сдували. Ему хотелось обзавестись собственным домом – маленьким домиком, где жила бы его маленькая семья, – но этому так и не суждено было сбыться. Жизнь рассудила по-своему. Поначалу родители Айрин твердили, что в доме достаточно места, а у них, у молодых, достаточно времени.

Но ни того ни другого у них не оказалось.

Когда родителей не станет, Айрин унаследует их дом – через три дома от Молли и Шона, у которых он прожил последние пару месяцев. За Айрин будет кому присмотреть. Его присутствие не потребуется.

Он отправился на работу, зная, что идет туда в самый последний раз. Он упивался этим знанием. Всю смену он игнорировал Мерфи, не обращал внимания на его придирки. Всего через пару часов жирный Мерфи перестанет иметь значение. Ему никогда больше не придется ни на что закрывать глаза, не придется слушаться указаний напарника. Мэлоун сохранял бодрый настрой вплоть до последнего вызова, поступившего в самом конце смены. Стрельба в жилом доме на Дирборн, близ пересечения с Чикаго-авеню.

Они прибыли, когда все уже закончилось. Мерфи даже не удивился. Он знал, что они не успеют. Подъехал прямо к до-

му, припарковался и сразу отправился к соседке. На место преступления он не пошел, не стал проверять, есть ли раненые, нужна ли кому-то помощь. Соседка рассказала Мерфи ровно то, что ему было нужно. Наплела о том, что видела своими глазами, сдобрив рассказ подходящими к случаю сплетнями и злословием.

Мэлоуну просто хотелось домой. Он хотел поскорее со всем покончить. Не хотел думать, не хотел переживать. Но потом Мерфи велел ему присмотреть за ребенком. За той бедной девочкой. И он не смог о ней не позаботиться. И потому переменял планы.

Он все отложил. До тех пор, пока не заберет для нее котенка по кличке Чарли. Потом отложил снова. До тех пор, пока не доставит девочку и котенка поездом в Кливленд.

Но Дани Флэнаган взглянула ему в глаза и сказала: «Никто, кроме вас, не станет искать». И тогда весь его план развеялся, а его место заняла странная, совершенно новая цель. Сама того не понимая, Дани Флэнаган спасла ему жизнь.

В пятницу, ровно в час, Мэлоун ждал Несса на подъездной дорожке. Элиот не опаздывал. Мэлоуну это в нем всегда нравилось. Перед домом затормозила обычного вида черная машина, Мэлоун сел в нее, хлопнул дверцей, и Несс тут же снова тронулся с места, плавно встроившись обратно, в непрерывный поток машин.

Мэлоун указал на приборную доску, на вмонтированное справа от руля радио, похожее на панель управления космическим кораблем:

– Мы в космос летим?

– Это двусторонняя радиосвязь, – гордо объяснил Несс. – Я пытаюсь оснастить ими все машины. Вот оно, будущее полиции. – Он ткнул пальцем в радиопередатчик. – Никаких больше телефонных автоматов, никаких сирен на перекрестках. Стоит оно до черта – больше, чем сама машина. Но теперь у нас в каждом участке есть хотя бы одна машина с таким передатчиком. – Он покрутил ручки настройки, переключил несколько рычажков, чтобы продемонстрировать, как все работает, а потом, когда радио зашипело и забормотало что-то бессмысленное, выключил его.

Они ездили с час – кружили по улицам, минуя мосты и железнодорожные переезды. Несс хотел показать Мэлоуну места, представлявшие интерес для расследования, и райо-

ны, где всегда стоило ждать беды. На одной из улиц им попалась очередь на полквартала – сплошь мужчины, почти все в рабочих комбинезонах и кепках.

– За супом стоят? – спросил Мэлоун.

– Нет. За пособием. Вроде дела идут на лад. Я на это надеюсь. Но полгорода до сих пор сидит без работы, а заработков, которые они все же умудряются получить, не хватает, чтобы платить за жилье. Поэтому в Кингсбери-Ран и растут трущобы. Многие из тех, кто там живет, на самом деле работают, но не могут себе позволить жить в другом месте.

– Я думаю сходить туда, оглядеться. Проехаться на поездах. Поговорить с местными. Но мне нужна другая одежда. И потом, прямо сейчас мне не слишком хочется кататься на поездах. За последний год я здорово разнежился. Не люблю холод и грязь – а там меня ждет и то и другое разом.

– Есть одно место, откуда можно взглянуть на Кингсбери-Ран с высоты, не выходя из машины. Сейчас ты поймешь, что это за место.

Миновав несколько кварталов, Несс свернул с мощеной дороги на грунтовку. Если бы земля не промерзла, дорога была бы непроезжей, но Несс явно знал, куда ему нужно. Когда он остановил машину, прямо перед ними, внизу, раскинулся кратер Кингсбери-Ран – высохшее русло реки, где пересекались бесчисленные железнодорожные пути и высились горы мусора.

– Мне говорили, что тут раньше был настоящий оазис, –

сказал Несс. – По тенистым дорожкам, прямо как в каком-нибудь Центральном парке, гуляли дамы под кружевными зонтиками, целые семьи с детьми в колясках, влюбленные парочки.

– Хм-м. Что-то не верится.

– А теперь тут рельсы, палатки да жестяные лачуги. И это еще не самые страшные трущобы. – Несс невесело хохотнул. – Все эти ряды ящиков и картонных коробок образуют отдельный город. Я много раз думал, что надо просто прийти туда и сжечь все до основания. Так жить нельзя. И нельзя просто закрывать на это глаза.

– Прежде чем решишь все это сжечь, подготовь для них новое жилье, – заметил Мэлоун.

– Да я понимаю, – вздохнул Элиот. – Там полно хороших людей. И гадких людей. И разных оригиналов.

– Оригиналов?

– Там есть до ужаса странные люди, Майк. Их повсюду достаточно, но там, внизу, скрывать свои странности куда сложнее. Мне докладывали о человеке, который живет под мостом Лорейн. У него целая коллекция обуви. Сотни пар. И он их не продает. Просто расставляет, будто их носят его невидимые друзья. И говорит с ними. Мы пару раз пытались его допросить, просто потому, что он до чертиков странный. Но всякий раз, когда мы приходим, он успевает все убрать.

– В любви к обуви нет ничего преступного. Я знаю нескольких женщин, повинных в том же грехе. И множество

гангстеров.

– Да. Понимаешь... мы думали, вдруг среди этой обуви есть башмаки наших жертв.

– И как же вы собирались искать эту обувь? Вы ведь даже не знаете имен большинства жертв, – парировал Мэлоун.

– Майк, я просто хочу отыскать убийцу. И все тут.

– Версии у тебя есть? Хотя какие-то?

– С полтора года назад мы устроили «Конференцию по Расчленителю». Собрали психологов, коронеров, специалистов из Бюро научных исследований, криминалистов, патологоанатомов и, конечно же, следователей, которые работают над этим делом. Даже пару журналистов позвали. Тогда мы все вместе сумели составить портрет Мясника.

– У вас есть его описание?

– Не внешности, нет. Научное описание черт характера, присущих безумцу, который это творит.

– Надо полагать, это вовсе не один из оригиналов, населяющих Кингсбери-Ран, – заметил Мэлоун.

– Нам было бы проще, если бы он там жил. Но нет. Не думаю, что он оттуда. Мы пришли к выводу, что этот человек либо мясник – то есть он правда работает мясником, – либо врач. Либо есть еще какая-то причина, в силу которой он обладает схожим опытом. Он знает, что делает, когда расчленяет трупы. Знает, где суставы, умело режет плоть вокруг них. И все в этом духе.

– Ты поэтому не хотел ничего мне рассказывать по теле-

фону? Боишься, что твой Мясник обладает определенным положением в городе?

– Это одна из причин. Дело в том, что телефоны прослушивают. Я не говорю по телефону ничего, что не хочу увидеть в газетах. Этот урок я усвоил во времена Капоне, он вечно прослушивал мой телефон.

– До чего еще вы додумались на своей конференции?

– Он умный. Сильный. Скорее всего, мужчина. С этим все согласны, хотя у многих вызвало вопросы то, что он оскотил несколько трупов.

– У меня это тоже вызвало вопросы.

Несс поморщился:

– В частной клинике рядом с похоронным бюро Рауса работают пять врачей. Кстати, в списке вероятных профессий Мясника есть и гробовщик. Так что ты в своей комнате на Бродвее очутился в самой гуще событий. К тому же у тебя через дорогу больница Святого Алексиса. За всеми ее сотрудниками мы тоже следим. – И он указал большим пальцем себе за спину, на коробку, стоящую на полу между передним и задним сиденьями.

Мэлоун вскинул брови:

– Полагаю, это все мне?

– Сегодня в городе нет ни единого врача, мясника, санитаря или могильщика, на которых у нас не собрано хоть что-нибудь. – Указательным пальцем Несс очертил в воздухе круг. – Он здесь охотится, здесь разбрасывает трупы. Значит, навер-

ное, и живет он здесь же. Пусть не в самом Кингсбери-Ран, но где-то поблизости. Ему здесь все знакомо. Он знает все входы, выходы и тайные тропки. Знает, как что устроено и как что работает. Знает людей, которых никто не станет искать. Возможно, сам он человек небезызвестный... но жертвы его безымянны.

– То есть ты хочешь, чтобы я шнырял по району вокруг больницы, вынюхивал, кто и когда дежурит, пытался найти закономерности, следил, не случится ли что-нибудь необычное.

– Да. Этим ты и займешься. А еще тебе придется побывать там. – Несс кивнул на лежавшие впереди, под ними, трущобы. – Думаю, тебе захочется посмотреть, что там к чему. У тебя в бумагах собраны все зацепки, которые детективы, работающие над делом, отметили за последние пару лет.

– Я просмотрел бумаги. Но пока не читал внимательно. Хотел сначала осмотреться, а потом уже перейти к подробностям.

– Ну что ж, у тебя все впереди. Просто чтобы ты знал, мы уже проверяли наводки на храм вуду, абортарий, тайную секту и пожирателя душ – он, кстати, сам себя разоблачил. Мы допрашивали горбуна, который вместо ножа и вилки в разные дни недели пользуется то средневековым мечом, то секирой. На одну дамочку с Карнеги-авеню, которая живет недалеко от дома Жертвы Номер Три, донесли из-за коллекции безголовых кукол. Ее навестили мои детективы. Куклы у

нее разные. У некоторых просто нет головы, других она режет на куски и складывает в тряпичные мешочки. Мы узнали множество увлекательных подробностей, – не скрывая сарказма, продолжал Несс. – Она продает их в качестве сувениров на пляже Евклид-бич. Называет их Расчлененными Куками. И люди их покупают. Так что она продолжает их кромать.

– Послушай... времена нынче тяжелые, – без всякого выражения заметил Мэлоун. – Дамочке надо на что-то жить.

– Мы решили было, что напали на след, когда получили жалобу на одного негра по прозвищу Однорукий Вилли. Он был знаком и с Фло Полилло, и с Роуз Уоллес – с Жертвами Номер Три и Номер Восемь. Послужной список у него огого какой длинный, и начальство уже обрадовалось, почуяв развязку. Но у него, черт дери, всего одна рука. Справляется он неплохо, тут я ничего не скажу, но все-таки я ни за что не поверю, что он и есть Безумный Мясник из Кингсбери-Ран. Он на такое не способен физически.

– М-да. Вот она, беда козлов отпущения: вроде бросил их за решетку, а убийства-то продолжают.

– Ага. И потом, перед людьми неловко. – Элиот горько усмехнулся, но вдруг как-то осел, словно от усталости. Снял шляпу, запустил пальцы в свою соломенную шевелюру.

– Несс, ты в порядке?

– Я в порядке, Мэлоун. Просто давненько не спал по-человечески. В последнее время я сплю на диване, у себя в ка-

бинете.

– Эдна тебя выгнала? – Мэлоун спросил об этом лишь потому, что понял: Несс ему все выложит.

– Нет. Она ушла. Так что по вечерам я не вижу смысла возвращаться домой.

– Совсем ушла?

– Ну да. Осталась у матери после Рождества. Я вернулся сюда один. Она не хочет больше здесь жить.

– Не хочет здесь жить? Почему? – Мэлоун обвел рукой трущобы, что лепились друг к другу внизу, в лежавшей перед ними котловине. Он прищурился, и тогда беспорядочное нагромождение лачуг и камней стало походить на грязное, изорванное лоскутное одеяло. Лоскутное одеяло на свалке.

Несс молчал.

– Мне жаль, Несс, – буркнул Мэлоун. Проявлять сочувствие он не умел.

Элиот со вздохом обхватил ладонями руль, не отводя глаз от лабиринта трущобных тропок.

– Да, мне тоже. Но с другой стороны... мне так легче.

– Понимаю. – Он и правда понимал Несса. Когда Айрин попросила его уйти, ему тоже стало гораздо легче. Быть в ответе за счастье другого человека – та еще мука.

– Она сказала, что будет приезжать на официальные мероприятия, если мне это поможет. Чтобы газетчики ничего не пронюхали. Мне-то плевать на газеты. Но конгрессмен Суини не дает мэру Бертону покоя с этим Мясником. Да ты и

сам знаешь, демократы вечно собачатся с республиканцами. Вечно ищут, как бы выставить противника в дурном свете. А я не хочу создавать лишних поводов для болтовни.

– Да, приличия нужно соблюдать, – сухо заметил Мэлоун. Элиот всегда умел соблюсти приличия, хотя сам в политику не лез. Даже в Бюро научных исследований политика и служение обществу сводились в основном к соблюдению приличий. Но Мэлоун давно усвоил, что личина, которую большинство людей надевают на публице, очень далека от реальности. При мысли об этом он по неведомой причине вспомнил о Дани Флэнаган. У нее был собственный способ поиска правды.

– Как тебе кажется, шестое чувство... правда существует? – вдруг спросил он, отвлекая Элиота от мыслей о развалившемся браке.

Тот хмуро уставился на него:

– Ты об умении предвидеть, что произойдет?

– Нет. Не о нем. Скорее... о способности видеть то, чего другие не видят. Но, может, «видеть» не совсем правильное слово. Пожалуй, это что-то вроде обостренного осязания. Ты берешь что-то в руки и знаешь... где раньше была эта вещь. – Он не знал, действительно ли Дани чувствует что-то подобное, но не хотел усложнять.

– Никогда о таком не слышал. Хотя... дай-ка подумать. Возьмем, например, мою мать, она всегда точно знала, где я болтался.

Мэлоун вздохнул.

– Ты это к чему вообще?

Мэлоун махнул рукой:

– Да ни к чему.

– Ты что же, видишь всякое, Майк? – Несс приложил ему ладонь ко лбу, словно проверяя, нет ли у него жара. Мэлоун оттолкнул его руку, но Элиот уже снова заулыбался.

– Не я. Нет. Правда, в детстве я видел, что от людей исходит цветное свечение. Иногда тусклое, иногда яркое. Я тогда думал, что вижу, какого цвета душа у этих людей.

– Да неужто? И какого же цвета моя душа? Как тебе кажется?

– Зеленая. Ярко-зеленая, с говнисто-коричневыми вкраплениями.

– Ха! – весело прыснул Несс.

На самом деле его свечение было голубым, под цвет глаз. Мэлоун несколько раз видел его вокруг Элиота – что-то вроде тени. В разные годы он порой замечал исходившее от людей свечение, но тут же спешил отвернуться.

Вот и теперь он отвернулся к окну, но не смог забыть о том, что его тревожило.

– Думаю, Несс, я просто пытаюсь разобраться, чему я верю, а чему – нет.

Несколько мгновений они молчали, погружившись в размышления о своей вере.

– У Капоне был один парень, математик, который здоро-

во считал в уме, – задумчиво продолжал Мэлоун. – Он умел складывать огромные числа. Просто выдавал результат, и все тут. И в карты здорово играл. В этом не было ничего сверхъестественного. Никаких магических пассов руками. Он просто... умел делать то, чего не умеют все остальные.

– Его ведь прозвали Графом, так? – спросил Несс. – Теперь я его вспомнил. Но я бы не стал исключать сверхъестественное. Он был тем еще мерзавцем. Может, он и правда продал душу дьяволу. Кажется, он сидит. Надеюсь, что сидит.

– Продал душу дьяволу? Ты что же, Несс, веришь в дьявола?

– В нашем деле в него нельзя не верить.

Мэлоун кивнул:

– Я верю в зло.

– Если ты веришь в зло, то и в добро должен верить. Одно без другого не бывает.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Мэлоун.

В Даниеле Кос – в Дани Флэнаган – не было зла. И он знал об этом. Так что, кем бы она ни была на самом деле и что бы он ни думал о ее даре, со злом это связано не было. Ком в груди, не дававший ему покоя с тех пор, как Дани на днях вышла из его комнаты, в один миг рассосался.

– Мне пора назад, Мэлоун, – сказал Несс и снова завел мотор. Перевел взгляд со стелившихся перед ними трущоб на зеркало заднего вида. – Но давай снова встретимся через

неделю, в это же время. Будем встречаться, пока не покончим с нашим делом.

* * *

Дани оформляла витрину магазина, когда перед домом остановился черный форд-седан и из него вылез Мэлоун. Он, не оборачиваясь, захлопнул дверцу, и машина сразу же снова тронулась с места. Дани не разглядела, кто был за рулем, заметила лишь, что это мужчина в фетровой шляпе. Мэлоун уезжал на этой же машине на прошлой неделе. И за неделю до этого. Всегда в один и тот же день, примерно в одно и то же время. Он почти не разговаривал с обитательницами дома и даже за столом был немногословен. Он попросил Маргарет не убирать в его комнате. Сказал, что будет делать это сам. Белье для стирки он оставлял в коридоре, в корзине, и Маргарет совала ему под дверь записку, когда можно было забрать из прачечной выстиранные вещи.

Дани вполне его понимала: Маргарет была настоящим сокровищем, но вечно за всеми шпионила. Дани была уверена, что Мэлоун и *ее* саму тоже считает шпионкой. Она и правда шпионила. Но не нарочно. Она еще ни разу не уступила соблазну подержать в руках его вещи. Точнее... всего один раз.

Однажды он оставил у задней двери пару ботинок. Они все были в грязи – непонятно, где только он нашел столько грязи, – так что он отмыл их под краном во дворе и оставил

сушиться у двери.

Дани не сумела сдержаться. Она внесла ботинки в дом, объясняя себе самой, что иначе они ни за что не высохнут: стоял морозный, влажный февраль. Но когда она сунула руки внутрь башмаков и прижала ладони к стелькам, то почувствовала лишь, как Мэлоун досадовал на мороз и скучал по яркому солнцу, как думал о чередѣ убийств, совершенных в этом районе. Он не мог думать ни о чем, кроме этих убийств. Весь город только о них и думал.

А еще у него в шкафу висели шелковые костюмы. Она не собиралась исследовать его шкаф, но Мэлоун случайно запер у себя в комнате Чарли. Бедный Чарли был совсем ни при чем. Он просто перепутал комнаты. Ему нравилось подолгу спать под ее прежней кроватью, и однажды днем, когда Мэлоун ушел, Чарли оказался взаперти.

Хорошо, что у нее был при себе запасной ключ. Она услышала, как Чарли жалобно мяукает из-за двери, и выпустила его. Осмотрела комнату, пытаясь понять, не нашалил ли в ней кот – кто знает, сколько времени он там просидел, – и заметила на столе у Мэлоуна открытые папки с бумагами, а на стене над столом большую карту Кливленда. Часть бумаг валялась на полу. Она не знала, кто их раскидал, кот или сам Мэлоун, но решила, что Чарли, потому что в комнате царил безупречный порядок. Она поспешила собрать бумаги, уложила их в папку и сунула на стол, к остальным. И замерла, заметив внутренним взором какой-то дом и знакомое лицо.

Элиот Несс.

Майкл Мэлоун был знаком с Элиотом Нессом. Несс пользовался в Кливленде большой популярностью. Газеты следили за каждым его шагом, на все лады склоняли каждое его слово. Она выпустила бумаги из рук и отошла от стола. Ничего удивительного в этом нет. Мэлоун говорил, что работает на местные власти.

Она быстро оглядела комнату, не поддаваясь соблазну внимательнее осмотреть бумаги у него на столе, подошла к шкафу, чтобы его закрыть – дверца чуть приоткрылась, – и тогда увидела великолепные шелковые костюмы, один светлый, из щегольской ткани с белым рисунком, другой темно-синий, глубокого, драгоценного оттенка. Она коснулась их, восхищаясь и тканью, и кроем. Такие костюмы стоили столько, сколько простому человеку и за год не заработать.

То был единственный раз, когда она не сдержалась.

Она старалась не вторгаться в его личное пространство, старалась изо всех сил и отдельно попросила перед уходом проверять, не прячется ли Чарли под кроватью у него в комнате.

И вот теперь Мэлоун стоял перед домом, слегка ссутулившись, и руками придерживал шляпу. На нем был все тот же костюм темной шерсти, в котором он впервые появился у них в магазине. Он стоял так, что казалось, пальто у него на спине вот-вот разойдется по швам, но Дани не понимала, из-за чего он так склонился вперед – то ли из-за холодного

ветра, то ли из-за бремени, что давило ему на плечи. Казалось, он никак не может решить, стоит ли ему войти в дом или лучше отправиться на прогулку. Он очень часто гулял, уходил на долгие часы. Порой он куда-то уезжал на машине, но чаще всего шел пешком. Он утверждал, что работает с местными органами власти и консультирует по налоговым вопросам, но работал безо всякого расписания. Она понимала, что он не сказал им всю правду, когда тетушки расспрашивали его о работе, потому что шелковые костюмы Мэлоуна никак не вязались с его рассказом, но ее это не удивляло. Никто никогда не отвечал на расспросы о жизни или о прошлом правдиво и во всех подробностях. Особенно если эти вопросы задавали ему незнакомцы.

Полы его пальто разлетелись в стороны, когда он перескочил через лужу, легко, словно юноша, хотя юношей давно не был. Он был уже не тем, кого она помнила. Он так и не начал сесть или лысеть, но лицо избороздили морщинки, а под глазами пролегли темные полукружия – словно он плохо и мало спал. Или всему виной было нынешнее состояние дел. Им выпало жить в не самые счастливые времена – а может, счастливых времен вообще никогда и не было. Весь мир не мог всегда жить безмятежно и счастливо. Она знала, что в жизни бывают мгновения покоя и радости, смеха и беззаботности, но такие мгновения никогда не выпадали на долю тех, кого она знала. Прежде, когда-то давно... ей самой выпало жить в таком мгновении. Но потом Майкл Мэлоун заглянул

ей прямо в глаза и сказал ей правду, и та навсегда изменила всю ее жизнь.

Она никогда ни в чем его не винила. И даже напротив – она искренне любила его, пока они не расстались. То была детская любовь, глубокая, искренняя. Но теперь она повзрослела и, глядя на него новыми глазами, не могла не признать, что Мэлоун – не самый примечательный человек и уж точно никакой не герой.

Он был поджарым, как кот, широкоплечим и узкобедрым. По сравнению с длинным телом ноги казались коротковатыми. Шагал он легко, словно всегда точно знал, куда наступать.

А еще он был безрадостным и угрюмым. По-настоящему мрачным. Дани казалось, что нет слова, которое могло бы лучше его описать. Но мрачность Мэлоуна не слишком походила на мрак, который принято связывать со смертью. Тот мрак Дани слишком хорошо знала. Нет, мрачность Мэлоуна наводила на мысли о глубоких и темных водах, о долгих ночах. Ей казалось, что эту мрачность рождает его одиночество и что это роднит его с ней.

Тогда, в детстве, он казался ей чуть не гигантом. Крепким, могучим. Теперь он был всего лишь мужчиной, слишком худым и чуточку слишком старым... по крайней мере для нее.

Он двинулся за дом, к задней двери – к этому решению его явно подтолкнули внезапные раскаты грома и первые капли дождя. В следующий миг он уже скрылся из вида. Она услы-

шала, как несколько мгновений спустя открылась и снова закрылась – заскрипела и быстро щелкнула – выходящая во двор дверь, как тихо прошлепали по полу мокрые подошвы ботинок.

Ей нужно держаться как можно дальше от этого человека, проговорил у нее в голове голос, слишком похожий на голос Зузаны.

Но она боялась, что это ей уже не удастся.

Боялась, что уже не *сможет* держаться от него в стороне.

Ведь она уже слишком хорошо его знала.

Ужин прошел в неловком молчании – так же, как каждый вечер на протяжении последнего месяца. Мэлоун почти не поднимал глаз от тарелки. Дани подозревала, что все дело в ней, хотя, возможно, и ошибалась. Ее старые тетушки, дожив до преклонных лет, утратили способность вести застольную беседу. Они бросали на Мэлоуна полные тревоги или исполненные злобы взгляды. Она не удивилась бы, если бы он забрал поднос и отправился ужинать к себе в комнату, но он этого ни разу не сделал. Каждый вечер он поднимался в столовую и ужинал вместе с ними, вежливо демонстрируя сдержанное удовольствие от еды, и говорил лишь тогда, когда тетушки прямо обращались к нему.

Несмотря на их возражения, он всегда помогал убрать со стола. Он говорил, что привык убирать за собой и не любит, когда это делают за него.

– Ваша жена не слишком хлопотала вокруг вас, мистер Мэлоун? – спросила Ленка.

– Нет, не хлопотала.

– А ваша матушка? Наверняка она с вас пылинки сдувала.

– Моя мать умерла, когда мне было двенадцать. С тех пор ни единая женщина не сдувала с меня пылинки.

То было самое сокровенное из всего, что он им рассказывал, и Ленка грустно оглядела его и цокнула языком:

– Бедный мальчик.

– Мне сорок лет, мисс Кос. Я давно уже не мальчик.

– По вечерам мы обычно слушаем по радио «Дика Трейси». Если хотите, слушайте с нами, – предложила Дани. – Или, может, вы любите другие программы? Прошу, приходите их послушать.

Он помедлил, словно обдумывая ее предложение, но потом покачал головой. Ленка огорченно понурилась, а Зузана, напротив, словно воспряла духом.

– Мне нужно работать. Я лучше пойду к себе. Спокойной ночи, – сказал он подчеркнуто вежливо и подчеркнуто отстраненно.

Но не успел он спуститься по лестнице, как все лампы в доме вдруг замигали. Ленка что-то забормотала себе под нос и перекрестилась. Подавив желание последовать ее примеру, Дани кинулась доставать фонари – на случай, если электричество совсем пропадет. Зузана сердито крутила ручки приемника. Она собиралась послушать любимую передачу и знать не хотела ни о ненастье, ни о перебоях с электричеством, но радио лишь монотонно шипело.

– Радиомачты ветшают, прямо как мы с тобой, – объяснила Ленка, словно Зузана сама не сумела бы догадаться, почему не работает радио. Потом лампы снова моргнули и погасли совсем. Ленка снова запричитала, Зузана заворчала громче прежнего. Дани услышала, как Мэлоун поднимается обратно по лестнице.

Он развел в камине огонь и остался в гостиной, подбрасывал дрова, следил, чтобы пламя горело ровно и жарко, слушал, как они обсуждали швы, и кромки, и строчки. Наверняка он остался лишь потому, что у него в комнате царили холод и мрак, но они были рады его обществу.

Ленке для работы требовалось куда больше света, чем могли дать фонари. Она с трудом управлялась даже в очках, при хорошем освещении, и в такой обстановке совсем не могла работать. Зато Зузана, никогда не жаловавшаяся на зрение, теперь доделывала модель для весенней коллекции.

Перед Дани лежала целая гора вещей, которые нуждались в починке. Пришить пуговицы, залатать дыры, поставить заплаты. Они брались за любые заказы, хотя на ремонт одежды уходило много драгоценного времени, а денег он приносил совсем мало. Когда-нибудь Дани будет сама управлять ателье. Тетушки не вечны. Когда этот день наступит, ей придется решать, на что тратить силы и время, и, быть может, тогда она больше не станет латать и перешивать вещи, которым давно пора на свалку.

Мэлоун сидел у огня, поглядывая на поленья. Казалось, ему приятна их болтовня, но Дани подумала, что ему просто не хочется разводить огонь еще и в своем камине и совсем не хочется сидеть одному в темноте, у себя в комнате.

– Хватит горбиться, Даниела, – велела Зузана. – Фигура у тебя эффектная, но ты так сутулишься, что никто этого не замечает.

Не отрываясь от работы, Дани выпрямилась и расправила плечи. Зузана говорила так почти каждый день.

– Каждая твоя черточка удивительно хороша. Ты так напоминаешь Анету. И Веру, когда она была помоложе, – вмешалась Ленка, стараясь сгладить Зузанину резкость.

Дани бросила быстрый взгляд на Зузану. Голубые глаза тетки наполнились слезами. Дрожащей рукой она вытащила платочек, который всегда держала за манжетой, и принялась их утирать.

Даниела не стала возражать против Ленкиных комплиментов и обижаться на придирки Зузаны. Тетку это только расстроит. Зузана еще не оправилась после смерти Веры. Даниела боялась, что она вообще никогда не оправится и будет мучительно скучать по сестре до тех самых пор, пока они снова не встретятся на небесах.

– Расскажи нам что-нибудь, Даниела, – нахохлившись, попросила Ленка и зевнула так, словно лишь Даниелины истории могли помешать ей заснуть, не сходя с места.

– Не сегодня, Ленка, – ответила Дани.

– По-моему, ты говорила, что мистер Мэлоун все о тебе знает, – сухо заметила Зузана.

– Простите, о чем вы? – не понял Мэлоун.

– О том, что у Даниелы есть чувство ткани. Ткань с ней говорит. Она сказала, что вы об этом знаете, – отвечала Зузана.

Дани вздрогнула, но так и не подняла глаз от работы. Она

не примет вызов, который ей бросила Зузана. Тетка всегда всем строит козни. Она ни о чем не забывает, ничего не прощает и не упускает.

– У нашего отца, Даниеля Коса, тоже был такой дар, – сказала Ленка, предостерегающе взглянув на Зузану. – Но папа не был таким прекрасным рассказчиком, как Даниела. А наша сестра Вера всегда знала, на что пустить ткань, как раскрыть все ее возможности. Она сразу видела, что выйдет из ткани – будь то костюм или даже парус.

– Покажи свои способности нашему постояльцу, Даниела, – сказала Зузана. – Или он решит, что мы плетем небылицы.

– Я не могу показать неосязаемое, – тихо проговорила Дани. – К тому же в моих историях обычно нет ничего интересного.

В неверном свете пламени тени, пролегшие под глазами Мэлоуна, и его впалые щеки казались еще темнее. Он молча смотрел на Дани, прислонившись плечом к стенке камина, сжимая в правой руке кочергу.

– У меня сегодня нет никаких историй, – сказала она. Она соврала. Юбка, которую она как раз держала в руках, хранила волнующую тайну. Ее владелица ждала ребенка, но не была уверена в том, что его отец – ее муж.

Зузана хмыкнула. Она точно не поверила Даниеле. Ткань всегда что-то скрывала, если только не была совсем новой. А порой даже новой ткани уже было что рассказать. Семей-

ные трагедии, тайны, вина, любовь и утрата. Ткань всегда что-то хранила, и, хотя Дани старалась не раскрывать чужих тайн, рассказывала она с большой охотой. Но сегодня все было иначе. Зузана может хмыкать сколько ее душе угодно, но Дани не станет развлекать Мэлоуна.

– Расскажите мне о своей семье, – мягко попросил Мэлоун, ни к кому конкретно не обращаясь. – Мне бы хотелось услышать историю семьи Кос.

Ленка, лишенная возможности работать и, в отличие от Зузаны и Дани, не проявлявшая в отношении Мэлоуна ни недоверия, ни особой сдержанности, охотно ответила на его просьбу. Она в самых живописных подробностях поведала ему об исходе Косов – Даниеля, Элишки и трех их дочерей – из Богемии. Павел родился в Америке, и о нем она – как, впрочем, частенько бывало с беднягой Павлом – упомянула лишь вкратце.

– Наш дед, отец Даниеля, тоже был портным. Его звали Кристоф Кос. Он обшивал самого Франца-Иосифа Первого.

– Ах да, императора. Это я помню, – заметил Мэлоун.

Дани, отвлекшись от дыры, которую латала, подняла на него изумленный взгляд. В ответ Мэлоун чуть заметно ей улыбнулся.

– Он был императором Австрии, королем Богемии, Венгрии и Хорватии, – резко, словно желая его одернуть,插вила Зузана. – Мы всегда вращались в высших кругах. А что у вас за семья, мистер Мэлоун?

– Мои предки были крестьянами. В Ирландии императоров не водится. Одни католики да протестанты. Порой заезжает какой-нибудь английский лорд, хотя, думаю, нынче лордов здорово поубавилось.

– А сам вы кто? Католик? Или протестант? – спросила Ленка.

– Меня воспитали католиком, – ответил Мэлоун.

– И вы до сих пор практикуете? – не унималась Ленка.

– Можно и так сказать.

– Благодарение господу за его милости, – фыркнула Зузана.

– У нас в семье были – и есть – и католики, и вольнодумцы, – вмешалась Дани, желая перевести разговор на другую, менее острую тему.

– А разве нельзя быть сразу и тем и другим? – спросил Мэлоун.

– Нет, – бросила Зузана. – Нельзя. Вы явно ничего не смыслите в божьей политике.

– Конечно. С другой стороны, мои родители были ирландцами. Так что во внутрисемейных разногласиях я разбираюсь неплохо.

– Расскажите нам о своих родителях, – взмолилась Дани, отвлекая Зузану, уже готовившую для Мэлоуна презрительную отповедь.

– Мой отец родился в Белфасте. Мать – в Дублине. Они прибыли в Америку на одном корабле. Тогда они были еще

подростками. Акцент у отца был такой сильный, что его с трудом можно было понять. Он от него так никогда и не избавился.

– А ваша мать? – спросила Дани. – У нее тоже был акцент?

– Акценты в Ирландии разные, все зависит от того, откуда ты родом. От Дублина до Белфаста и ста миль не будет, но акценты в них разные. В Белфасте говорят как в Шотландии, а в Дублине – скорее как в Англии.

– Я ни о чем таком не знаю. Как по мне, все ирландцы говорят одинаково, – отрезала Зузана.

Мэлоун повторил ее слова, в точности изобразив и ее акцент, и ее сардонический взгляд. Он говорил с точно таким же, как у Зузаны, отсутствием всякого выражения на лице, рот у него почти не двигался, а в горле, где-то в глубине, что-то булькало.

Зузана потрясенно уставилась на него. Ее бледные губы дрожали от ярости.

– Вам это кажется смешным, мистер Мэлоун?

– Нет, мэм. Я просто демонстрировал свои способности, – отвечал он уже без следа восточноевропейского акцента, но по-прежнему не сводя с нее глаз. – Акценты – мое хобби. – Дани предположила, что он просто устал сносить Зузанины колкости.

– Он говорил прямо как ты, Зузана, – хихикнула Ленка и замахала платочком, словно сдаваясь. – А можно еще, мистер Мэлоун?

– Я иду спать, – объявила Зузана, поднялась на ноги и, величественно опираясь на трость, высоко задрала подбородок и гневно раздула ноздри.

– Спокойной ночи, *тэтка*, – сказала Дани.

– Спокойной ночи, мисс Кос, – откликнулся Мэлоун.

– Спокойной ночи, Зузана, дорогая, – весело произнесла Ленка, но, едва Зузана вышла из комнаты, поднялась и тоже двинулась к двери. Проходя мимо Дани, она погладила ее по склоненной голове:

– Я тоже пойду, Даниела. Побереги глаза. Работа может подождать до завтра. – Ленка взглянула на Мэлоуна и подмигнула ему так, словно у них был какой-то секрет. – Спокойной ночи, мистер Мэлоун, – игриво прибавила она.

– Спокойной ночи, мисс Кос.

– Прошу вас, зовите меня Ленкой, – с заговорщицким видом попросила она. – Я ведь уже не девочка.

– Спокойной ночи, Ленка, – покорно повторил Мэлоун.

Он встал, словно и сам тоже думал уйти, но задержался перед камином, сунув руки в карманы, с задумчивым выражением на лице. Дани отложила штопку и с облегчением выдохнула. Получилось гораздо громче, чем она хотела. Мэлоун встретился с ней взглядом.

– Ну и парочка, – сказал он.

– О да. Я нежно люблю их, но порой они меня изматывают. Вера, средняя из сестер, умела их уравновесить. Она была связующим звеном между ними. Теперь эта роль перешла

ко мне, и не могу сказать, что мне она нравится.

– Вы о ней никогда не говорите. Почти не вспоминаете ее.

– Пожалуй... что так. Думаю, дело в том, что нам еще слишком больно. Прошло совсем мало времени. Она умерла в октябре.

– Значит, я занял ее комнату. – Он не спрашивал, а утверждал.

– Нет. Мою. Когда Вера умерла, я перебралась наверх, в ее бывшую комнату. Хотела быть поближе к тетушкам. Они слабеют на глазах. Теряют и силы... и обходительность. – Она улыбнулась, показывая, что шутит. – К тому же отдельную комнату на нижнем этаже удобнее сдавать.

– Я занял вашу комнату? – ахнул он.

– Это меня никак не стеснило, мистер Мэлоун. Мне нравится моя новая комната, – заверила она, но его это явно не успокоило. Он смущенно потер подбородок.

– Но ведь... вам нелегко... жить в ее комнате... в комнате вашей тетушки.

– Нет. Меня это не смущает. Я сменила шторы и покрывало, они теперь у вас, внизу. Так меня не слишком донимают воспоминания о ней. – И она взмахнула рукой, словно это не имело значения.

– Иначе они бы вас донимали? Воспоминания?

– Да. Конечно. Хорошо держаться на расстоянии от людей – даже от тех, кого любишь. Вы ведь знаете легенду о царе Мидасе?

– Он обращал в золото все, к чему прикасался?

– Да. То же и с моим *даром*. – Она произнесла это слово с нажимом. – Золото прекрасно... воспоминания прекрасны... но если их слишком много, их красота теряет всякую ценность.

Он сложил руки на груди, словно обдумывая услышанное. Он не попросил ее пояснить, хотя она и видела, что ему не все ясно.

– Ленка сказала, что это семейное... ваше чувство ткани.

– Так мне всегда говорили. Хотя у моей матери этого дара не было. Она была хорошей портнихой, умела перешивать и чинить одежду. *Нам* она тоже шила, но не хотела обшивать богатых и знаменитых. Вращаться в высшем обществе она не хотела. – Она тоже неплохо пародировала Зузану.

– А остальные члены семьи?

– Мой дед и прадед якобы тоже обладали похожим даром, но описывали его по-разному. И Вера тоже. Она всегда говорила, что ткань рассказывает ей, на что ее пустить. Указывает фасон и размер. Она говорила: «Ткань знает, чем хочет стать. И сама делает выбор».

– Но она не чувствовала... людей.

– Нет. Зато мой прадед, Даниель Кос, был как я. Вера говорила, он знал, где побывала ткань, видел это и потому предпочитал работать с новыми, только с фабрики, отрезами ткани.

– Почему она умерла? Вера? – спросил он. Странно, но

говорить с ней о смерти было куда легче, чем о ее способностях. Возможно, и ей тоже проще было говорить с ним о смерти, потому что она тут же ответила:

– Ее сердце просто перестало биться. Она сидела вот в этом кресле, с платьем в руках, и вдруг словно задремала. Все случилось так быстро. И тихо. Это была легкая смерть. Нам пришлось нелегко. А ей – нет.

– Надеюсь, вам не слишком тяжело оттого, что я живу в вашем доме, – сказал он. – Мне бы этого не хотелось.

– Нет, нам так легче. Нам нужны деньги, – призналась она. – В наши дни никто не покупает дорогую одежду. Мой дед одевал Рокфеллеров, и мы до сих пор пользуемся репутацией, которую он заслужил. У нас осталось несколько богатых клиентов. Благодаря этому у нас есть крыша над головой и еда на столе. Но даже богачи теперь живут скромнее, чем раньше, а Рокфеллеры вовсе перестали бывать в Кливленде. Большинство домов в Ряду Миллионеров пустует, многие заброшены. Все эти красивые дома, все красивые наряды... все кануло в лету.

Казалось, он не знал, что на это сказать, а ей не хотелось говорить слишком много. Правда, это была ее любимая тема, и, когда ее слушали, ей сложно было остановиться. А Мэлоун слушал очень внимательно. Его внимание пьянило. Она не привыкла к такому и потому очень скоро заговорила снова:

– Кливленд знаменит своими швейными кварталами. Фабрики, где стоят сотни швейных машин и гладильных

прессов, каждый день производят сотни дешевых костюмов. Мы не можем конкурировать с ними. Тетушки всю свою жизнь много работали, но вести дела они не умеют. Они никогда этим не занимались, к тому же у них есть гордость. А у меня нет.

– Нет?

– Нет. Думаю, они бы скорее умерли, чем стали заниматься тем, чем порой занимаюсь я. – Она тихо рассмеялась. Ей не было стыдно. Совсем нет. К тому же она совсем не пыталась оправдываться. И все же ее слова повисли в воздухе, и теперь Мэлоун с серьезным вниманием смотрел на нее. Она надеялась, что он уйдет, распрощается, но он явно решил остаться.

– Расскажите мне о том, чем вы занимаетесь, – попросил он.

– В свое время я обошла все фирмы в городе. Все фирмы, где носят униформу. И предложила им то, что было им по карману. Я шила рубашки с логотипами, нагрудными знаками и бесчисленными рядами пуговиц. Шила фартуки, шапочки, сетки для волос. Это скучно, но совсем не трудно. Мне не стыдно шить униформу. Ее шьют из новой ткани. Мне так легче.

– Ткань не рассказывает историй? – тихо спросил он.

– Не рассказывает, – подтвердила она. Оттого, что он ее понимал, у нее что-то сжалось в груди. Стараясь успокоиться, она вновь опустила глаза и принялась разглядывать свои

колени. Но он все не уходил.

– Соседи приносят мне одежду, которую нужно починить, – прибавила она. – И церковь тоже порой присылает работу.

– Но после того, как вы получили заказ, тетушки забывают о гордости и берутся за дело наравне с вами?

Дани снова принялась за штопку. Она не знала, чем занять руки.

– Есть одно дело, с которым тетушки помогать отказываются. Оно их пугает. Но, к несчастью... это постоянный источник заработка.

Он вскинул брови, ожидая продолжения. Она прикусила губу, не понимая, как сумела загнать себя в этот угол. Она вовсе не собиралась рассказывать ему обо всех подробностях своей безотрадной жизни. Но он словно сумел повернуть кран, что прятался у нее внутри.

– У нас по соседству похоронное бюро. Вы ведь заметили? – осторожно начала она.

– Конечно. А за ним частная клиника.

– Нелепо, правда? – спросила она.

– Зато удобно. Если врачи бессильны, вас просто отправляют в дом по соседству. Может, просто перекидывают через забор? – Его слова прозвучали бесстрастно, и она рассмеялась:

– Вы говорите прямо как Зузана.

– Только не это, – проворчал он, и она снова хихикнула.

– Но в похоронное бюро попадают только те, кому оно по карману, – продолжала она. – В этом городе умирает множество бедняков. Порой их имен никто не знает. Но даже если имя установить удалось, на похороны нужны деньги, и семьи, чтобы не тратиться, часто попросту не забирают своих покойников. Это так печально.

Пока она рассказывала об этом, он все сильнее хмурился, и от этого она заговорила быстрее, опасаясь, что ему ее рассказ кажется скучным.

– В городе есть небольшой фонд, который тратят на погребение таких покойников. У мистера Рауса, который владеет похоронным бюро, есть еще одно здание, на Мид-авеню. Туда их и свозят. Я их мою, привожу в порядок одежду и записываю в журнал. После этого их хоронят на кладбище для бедняков или передают в медицинский университет для исследований.

Мэлоун потрясенно раскрыл рот, не веря тому, что услышал.

– Вы работаете с трупами? – выдохнул он.

– Я с ними не *работаю*. Нет. Просто веду учет и... одеваю их... для погребения.

– Бог мой, Дани.

Теперь уже она раскрыла рот от изумления. Она не ожидала от него такого ответа.

– Это честная раб-бота, – запинаясь, выговорила она. – А я портниха. Я занимаюсь одеждой. Одежда нужна даже

мертвецам.

– Да... но... – Казалось, он не знает, как ей ответить. – Так вот откуда эта гора потрепанной одежды? Груды вещей, которые вечно стирает бедняжка Маргарет?

Дани внимательно взглянула на него:

– Бедняжка Маргарет тоже рада тому, что у нее есть работа. Если бы не этот заработок, мы бы не смогли ей платить.

– Ясно. Что ж... тогда... получается, все в порядке. – Он явно не мог подобрать слова, и Дани потянулась к коробке с пуговицами, ругая себя за то, что не смогла промолчать. Всякий раз, когда им выпадала возможность поговорить, она делала неверный шаг и все портила.

Мэлоун в последний раз пошевелил кочергой в камине и повесил ее на крючок. Теперь он точно собрался уйти.

– Спокойной ночи, Дани, – сказал Мэлоун и взял фонарь, который она для него приготовила.

– Спокойной ночи... Майкл, – ответила она. Она заставила себя произнести его имя, хотя ей и показалось, что это прозвучало нелепо. Ей страшно хотелось сблизиться с ним, а близкие люди зовут друг друга по имени. Но, несмотря на всю свою храбрость, она так и не сумела поднять на него глаза.

Буря ревела и выла всю ночь напролет. Стекла в спальне Мэлоуна тряслись так, словно какой-то злодей, стоя снаружи, безуспешно пытался выдавить их и пробраться в дом.

Когда он проснулся, в спальне было так холодно, что от дыхания шел пар. Чувствуя, что вот-вот утратит всякое желание выжить, он поскорее натянул две пары носков, надел друг на друга всю одежду, которая нашлась у него в шкафу, сунул ноги в ботинки, а руки в перчатки и развел огонь у себя в камине. Потом поспешил наверх и разжег камин, у которого они провели вечер накануне.

Дани, еще не причесанная, укутанная во все мыслимые одежды, выскочила из своей комнаты и принялась его благодарить.

— В конюшне есть еще дрова. Я запираю их в задней комнате, чтобы они не отсыревали и чтобы никто их не украл. Бог мой, ну и буря! Электричества по-прежнему нет. Трубы пока не замерзли, но в котле нет ни капли горячей воды.

В конюшне нашлись две лопаты для уборки снега и дрова или, точнее, аккуратно сложенный плавник, какие-то палки, поленья, доски от упаковочных ящиков. Наверное, Дани копила все это на всякий случай. Интересно, понимают ли ее тетки, как им с ней повезло.

Он принес в дом охапку дров и принялся чистить подь-

ездную дорожку, шаг за шагом, раскидывая снег по сторонам.

Дани позвала его обедать, но ему не хотелось уходить и потом начинать все заново. Разгрести снег было нелегко, но зато он хоть чуточку согрелся.

Через двадцать минут Дани вышла к нему, волоча за собой вторую лопату. Он велел ей возвращаться обратно в дом.

– Я сам справлюсь, – сказал он.

– А я вам помогу, – весело ответила она и тут же взялась за дело. Она двинулась в противоположную сторону, и теперь они разгребали снег от входа в дом к разным краям дорожки. Она явно занималась этим не в первый раз.

– Обычно вы сами тут все расчищаете? – спросил он.

– Нет. Обычно я зову Генри Рауса и плачу ему за работу. Но он уехал учиться, а замену ему я еще не нашла.

Мэлоун протянул руку, словно они только познакомились, но Дани стояла слишком далеко и не смогла бы ее пожать.

– Майкл Мэлоун, ваш новый снегоуборщик. Приятно познакомиться.

Спустя несколько минут она, словно извиняясь, заметила:

– С такой скоростью вы толком не согреетесь. – Дыхание обращалось в пар и зависало в воздухе у ее лица, не давая забыть о том, какой сильный стоит мороз.

– Да, вы правы. И все же, пока я работаю, мне довольно тепло.

– Наверное, вам непросто привыкнуть к Кливленду. Скажите, а на Багамах красиво? Когда-то мне попало в руки несколько фотокарточек оттуда. Не могу представить себе, как там на самом деле. Я никогда не видела океан. И пальмы. И розовый песок. Это правда, что песок на Багамах розовый? – Она проговорила все это мечтательным голосом, но он тут же перестал разгребать снег.

– Как вы узнали, что я был на Багамах? – Об этом не знал никто, кроме его начальника, Элмера Айри. И, может, Молли, хотя они никогда об этом не говорили. Но больше никто.

– Наверное, вы сами обмолвились, – ответила Дани, не прекращая раскидывать снег.

Он ни о чем таком не мог обмолвиться. Ни при каких обстоятельствах.

– Мое пальто вам рассказало? – ошеломленно спросил он.

Она утерла нос, не глядя ему в глаза:

– Возможно.

– Возможно, – шепотом повторил он и снова принялся за работу. Он был так потрясен, что забыл о холоде.

– Зачем министерству финансов отправлять вас на Багамы? – спросила она, когда они расчистили еще с полметра дорожки. – Так далеко от Вашингтона?

– Я отдыхал, – буркнул он.

– А-а.

Он подумал, а вдруг она чувствует даже, что он соврал, но она ничего больше не сказала. Чувство сообщничества,

возникшее было между ними, рассеялось. Через несколько минут она, красная от усердия, отставила лопату и спросила, сможет ли он сам все закончить.

– Я не просил вас о помощи, мисс Флэнаган, – сказал он тоном строгого учителя. Ну и баран же он. Но она застала его врасплох. Причем не впервые.

– Не просили, вы правы. Спасибо вам. – Она скрылась в доме, но почти сразу вышла снова, неся за спиной огромный матерчатый мешок для белья. Она прошла мимо него, словно не замечая, и, добравшись до тротуара, повернула на запад.

– Куда вы? – крикнул он ей вслед.

– Не ваша забота, мистер Мэлоун, – отвечала она таким же ледяным тоном, каким он говорил с ней.

Он отставил лопату и поспешил за ней.

– Давайте помогу, – настойчиво предложил он, чувствуя, что ему пора извиниться за свое поведение.

– Нет... спасибо. Я справлюсь, – выдохнула она.

Он все же забрал у нее мешок, закинул его себе на плечо и изумленно отметил, что он страшно тяжелый. Как же она его несла, подумалось ему.

– Что там?

– Одежда. Много одежды. Я никогда не знаю заранее, что мне понадобится.

– Понимаю. – На самом деле он ничего не понял, но это не имело значения. Он мог ей помочь. – Ведите меня, – по-

просил он. Но она не двинулась с места.

— Обычно я беру тележку, — сказала она. — Но сегодня так много снега. Идти совсем близко, всего два квартала и еще один, в сторону.

— Тогда пойдем. — И он двинулся в направлении, которое она указала. Она с перепуганным видом поспешила следом за ним.

— И все же, сэр. Я сама справлюсь, — проговорила она и зашагала рядом с ним, на каждом шагу глубоко увязая в снегу. Господи, ну и дыра этот Кливленд. Она что, сказала ему «сэр»?

— Кажется, вы планировали звать меня Майклом, — заметил он.

— Планировала. Но... мне нелегко называть вас по имени.

— Да. Всем нелегко. — Одна лишь Молли звала его Майклом.

— Может, поэтому у вас было так много имен?

— Бог мой, да откуда вы все это знаете? — рявкнул он и резко остановился, так что мешок качнулся и чуть не свалился на тротуар.

Дани помолчала, не сводя глаз со своих сапог. Счистила снег, приставший к юбке. А потом с виноватым видом подняла на него глаза и объяснила:

— От вашей шляпы. В тот первый день, когда вы вошли в ателье, вы, наверное, решали, каким именем вам лучше назваться. Когда я взяла ваши вещи, все эти имена цеплялись

за поля вашей шляпы, словно игрушечные обезьянки.

Маленькие пластмассовые обезьянки. Он живо представил себе этих обезьянок, вообразил, как они примеряют его личины.

– Ну хорошо. Какие там были имена? – спросил он, отказываясь ей верить.

– Вы меня проверяете?

– Да.

– Попробую вспомнить. Патрик О’Рурк. Майк Лепито. Майки... или Микки? Микки Монахан? Самую большую обезьяну звали Майклом Мэлоуном.

Не будь он так ошарашен, он бы расхохотался.

– То есть это было самое громкое из всех имен, – торопливо исправилась она. – Наверное... вы долго не снимали шляпу... пока думали, кем бы назваться, – пояснила она.

Он брел рядом с ней, не разбирая дороги, чувствуя, что и сам превращается в игрушечную обезьянку.

– Куда мы идем? – спросил он через пять минут, когда она свернула к невзрачному зданию, и двинулся вслед за ней к задней двери, стараясь наступать прямо в следы, которые она оставляла на нетронутом снегу.

– Вчера вечером я говорила вам... что готовлю тела бедняков к похоронам.

– Здесь? – ахнул он и от неожиданности не удержал на плече мешок с тряпьем.

– Да. Здесь. – Она принялась отпирать дверь рядом с уз-

ким помостом для выгрузки. Неприметное, хмурое, безотрадное здание снаружи походило на один из множества складов, занимавших всю короткую улочку.

Он последовал за ней, но остановился в дверях и принял-ся стряхивать с мешка налипший снег.

Помещение освещал лишь тусклый свет дня – электричества по-прежнему не было. Но Дани, готовая к этому, зажгла два фонаря, что стояли на рабочем столе прямо у входа.

Пространство справа от входа занимали два стола для бальзамирования, оснащенные разными трубками и стоками. К счастью, они были пусты.

Слева, вдоль стены, тянулось около дюжины металлических столов. Только два из них пустовали. На остальных лежали трупы.

На крючках висели хирургические халаты. Дани натянула халат прямо поверх одежды, завязала его на талии и у шеи.

– Просто положите вещи вон там. – Она указала на стол слева от двери. На столе уже громоздилось несколько аккуратных стопок вещей – мужская одежда отдельно от женской, разные размеры тоже отдельно. Мэлоун опустил мешок на стол, но словно не решался пройти вглубь насквозь продувавшегося помещения.

– Если вы останетесь, Майкл, вам тоже нужно переодеться. Я не делаю ничего особенно грязного... но они *мертвы*. Там есть резиновые перчатки. – Она сняла с головы вязаную шапочку и повязала волосы белым шарфом. Теперь она ста-

ла походить на монашку, вроде тех, что обходили пациентов в больнице Святого Алексиса.

Он подошел к крючкам, на которых висели халаты. Наверное, выглядел он до крайности неуверенно – по крайней мере, чувствовал он себя именно так, – потому что она мягко прибавила:

– Не переживайте, все эти вещи каждый раз кипятят и хлорируют.

– Я лучше подожду снаружи, – сказал он. Слабонервным он не был – на его работе слабонервные не задерживались, – но в том, чтобы готовить тело к похоронам, ему чудилось что-то донельзя интимное. Ему не хотелось на это смотреть.

– Там страшно холодно.

– Здесь тоже холодно. Зато на улице нет мертвецов.

– В этом я не уверена. В конце концов, мы ведь в Кингсбери-Ран, – тихо заметила она.

Он буркнул в ответ что-то неопределенное, в который раз не понимая, что именно ей известно. Он не понимал, стоит ли рассказать ей обо всем, что теснилось у него в голове, просто затем, чтобы больше об этом не думать. Знает ли она, для чего он приехал в Кливленд? И как проводит здесь время? Знает, что он без конца ходит по барам, кружит по улочкам, исподтишка рассматривает местных жителей? Знает, что он уже много недель корпит над бумагами Элиота, но до сих пор ни до чего не додумался? Может, спросить у нее? Он не стал. Он повернулся к двери. Ему пора уйти.

– Вам нужно будет что-то отнести обратно домой? – спросил он.

– Да. Я забираю грязные вещи в стирку. Но сегодня я оставляю их здесь. Подожду, пока смогу прийти сюда с тележкой.

Он снова заколебался. Ему не хотелось бросать ее здесь одну.

– Идите, Майкл. Все в порядке. Я не рассчитывала на вашу помощь. Это не самая приятная работа. Правда, зимой куда лучше, чем летом.

– Смерть все равно к вам пристанет.

– После работы я тщательно моюсь. Вся моя одежда закрыта. Вам не нужно мне помогать. Я занимаюсь этим много лет.

– Много лет?

– Да.

Он поморщился. На жаре трупы быстро разлагаются. Мороз действительно куда лучше. Он не был уверен, что смог бы войти сюда в июле. Он потопал ногами, стараясь согреться, но не ушел.

Видя его нерешительность, Дани пожала плечами, подошла к раковине, наполнила водой ведро. Она отнесла ведро к столам с мертвецами, вернулась, взяла блокнот, учетный журнал, фонарь и принялась за работу. Она ходила между столами и осматривала тела, быстро оценивая, что ей понадобится, и разговаривая, то ли с ними, то ли сама с собой.

– Нужны рубашка и брюки. И ботинки получше. – Она записала это с легким вздохом, словно понимая, что будет непросто, и тут же двинулась дальше, продолжая называть предметы одежды, которые ей предстояло подыскать, или решая, что сгодится и та одежда, которая уже была на мертвецах. Когда она, сняв перчатки, принялась стаскивать с одного из трупов пальто, Мэлоун рывкнул:

– Господи, Дани, не смейте снимать перчатки!

– Я не звала вас сюда, мистер Мэлоун, – тихо отвечала она, переворачивая труп на бок и пытаясь высвободить пальто. Она явно занималась всем этим не в первый раз, но ей было бы куда легче, если бы он ей помог, а не просто стоял и смотрел.

Он снял пальто, сдернул с крючка халат, нетерпеливыми пальцами завязал тесемки и вместо варежек сунул руки в самые холодные резиновые перчатки, которые ему когда-либо доводилось носить.

– Значит, я теперь снова мистер Мэлоун? – пробурчал он, подходя к ней.

– В такой обстановке мне сложно вести себя непринужденно, – сказала она, но ее голос прозвучал странно. Он повернулся к ней и увидел, что у нее по щекам текут слезы. *Неужели это из-за него?*

– Вам не стоит снимать перчатки, – виновато сказал он.

– Обычно я их не снимаю, но в них неудобно работать, все выходит гораздо медленнее. К тому же в перчатках я не

слышу историй.

– Зачем вам их слышать? – спросил он.

– Потому что... никто другой не станет.

– Вы всегда здесь плачете?

– Нет. Обычно не плачу. – Она шмыгнула носом. Он вытащил из кармана платок – непростая задача для человека, на котором надето так много, – и, словно медбрат, ассистирующий хирургу, промокнул ей щеки. Он не хотел, чтобы она сама утирала себе лицо руками, к которым пристала смерть.

– Так отчего вы расплакались? – спросил он.

– Оттого, что этот бедолага... Иван, его звали Иван... он был влюблен. Его любимая умерла, и он... был рад отправиться следом за ней. Он хотел умереть. Но его любовь к ней осталась здесь.

– Здесь?

– Да, в этой ткани.

– М-м. – Пальто мертвеца – если этот предмет еще можно было именовать пальто – было так сильно перепачкано сажей, что никто ни за что в жизни не угадал бы, какого цвета оно было прежде. Мэлоун убрал свой платок обратно в карман, надеясь, что он ему больше не понадобится.

– Женщину, которую он любил, звали Джоанной, – сказала Дани, чуть повысив голос, словно ей во что бы то ни стало нужно было, чтобы он ей поверил. – У нее... была милая улыбка, а еще она носила на шляпке мак. Такой бумажный цветок, их часто продают прямо на улицах. Он подарил ей

его. Когда цветок изнашивался, он всякий раз покупал ей новый.

– Ясно, – сдержанно проронил он, и она, вздохнув, снова взялась за записи. Почерк у нее был изящным, разборчивым, рука скользила по бумаге так, словно Дани подписывала приглашения на прием, а не составляла описания мертвецов. Наконец она отложила блокнот со своими записями и вписала несколько строк в книгу, которую Мэлоун считал официальным реестром.

Он ни о чем не спрашивал – решил, что ему совсем не обязательно знать все в подробностях. Но когда они наконец сняли с «Ивана» его пальто и обрядили в чистые штаны и рубашку, Дани вырвала из своего блокнота верхний листок и сунула мертвецу в нагрудный карман.

– А это зачем? – нахмурился Мэлоун.

– Я записываю их истории – без лишних подробностей – и кладу им в карман.

– Для чего?

– Никто не скажет ни единого слова над их безымянными могилами. Это их надгробная речь.

– Это часть вашей работы?

– Нет. Мистер Раус и его работники, которые забирают тела для погребения, наверняка считают меня сумасшедшей. Может, они выбрасывают листки, которые я прячу мертвецам в карманы. Но мне так легче. Я веду записи, так что если однажды... кто-то станет их искать, их можно будет найти.

– Бог мой, Дани.

– Вы только это и говорите, Майкл.

– Да. Действительно. Не знаю, что тут еще сказать.

– Придется ему остаться в этих старых ботинках. Тут я ничем не могу помочь. Только взгляните на его несчастные пальцы, – печально проговорила она.

Ему совсем не хотелось смотреть на пальцы мертвеца, торчавшие сквозь дыры в его башмаках, но он повиновался, взглянул и тут же проклял себя за это.

– Давайте продолжим, – предложил он, и Дани послушалась.

Она пришивала недостающие пуговицы, смывала грязь с мертвых обледеневших лиц, приглаживала спутанные волосы. Они перекатили на бок еще одного мужчину, такого же грязного, как и первый, Иван, одну за другой сняли с него все одежды, надели взамен чистую рубашку, застегнули ее на все пуговицы и заправили в чистые штаны.

– Кажется, его звали Уолли. Вряд ли это его фамилия или имя. Он любил регтайм и вечно его насвистывал. Уолли-свистун. – Она сделала запись в своем блокноте, сунула в нагрудный карман Уолли его надгробное слово и двинулась дальше.

Несчастный Уолли, в отличие от Ивана, не имел даже плохонькой обуви, и Мэлоун как мог старался не смотреть на его босые ноги.

Следующей оказалась женщина с седыми жидкими воло-

сами и без единого зуба. На ней было так много одежды, что Дани и Мэлоун лишь с огромным трудом сумели ее раздеть. На ней осталось лишь голубое платье с поблекшим узором из лилий – под ним больше ничего не было.

– Оставим ее в нем. Это самый красивый ее наряд. Поэтому она и надела его в самый низ. Так платье не слишком пачкалось и не слишком занашивалось. Она его любила. В нем она снова чувствовала себя молодой. – Дани проговорила это медленно, словно повторяла слова, которые кто-то шептал ей на ухо.

– А что вы делаете с остальной одеждой? Со всей одеждой, которую снимаете с них?

– Она им больше не нужна. Проверьте карманы, вдруг в них остались какие-то вещи. Если я нахожу что-то маленькое, фотографию или безделушку, то обычно оставляю при них, чтобы их с ней похоронили.

Он сделал, как она велела, стараясь не дышать. Так было чуточку легче. В карманах у женщины не было ничего, кроме окурка сигары, который она, вероятно, берегла для особого случая. Он показал Дани находку. Она положила ее в карман голубого платья.

Он не понял, что его так задело в этом простом движении, в возвращении мертвой женщине того, что она при жизни берегла и ценила, но у него вдруг резко и больно перехватило горло. Он подхватил кипу вонючих отрепьев и отвернулся, гадая, не пригодится ли ему снова его чертов платок.

– Можете сложить грязные вещи возле стола с одеждой, – сказала Дани. – То, что еще можно починить, я использую снова. Порой сюда привозят тела в лохмотьях. А мне не хочется, чтобы людей хоронили в лохмотьях.

– Куда вы деваете то, что уже нельзя починить? – Ему нужно было поддержать разговор. Разговор не давал ему думать. Что бы Дани делала с жертвами Мясника? От этой мысли он замер... и содрогнулся.

– На Сковилл-авеню есть бумажная фабрика, владелец платит по несколько пенни за фунт тряпья. Лишними эти деньги не будут.

Он подошел к грудe тряпья и принялся встряхивать и аккуратно складывать каждую вещь, выгадывая немного времени на то, чтобы прийти в себя. Когда он вернулся обратно к Дани, она уже вымыла женщине лицо и руки, пригладила волосы. После этого она разгладила ее платье и сложила ей руки на груди.

– Как ее звали? – спросил он.

Ничего не ответив ему, она взяла блокнот, карандаш и приготовилась писать, но слова явно не шли, и она на миг замерла.

– Не знаю, как ее звали. Не могу сказать. Ее свет кажется мне совсем... тусклым. Она болела и сильно устала от жизни. Не знаю, что мне написать.

– Напишите, что она любила хорошие сигары, лилии и голубой цвет, – предложил он, собрав все свои наблюдения и

проанализировав их – так, как всегда поступал.

– У вас хорошо получается, – с улыбкой сказала она.

Он снова прочистил горло, ощущая неловкость, а потом протянул ей пару носков для Уолли.

– Где вы взяли эти носки?

– На дне мешка, – не задумываясь ответил он.

– Неправда.

– Правда.

– Я сама собирала этот мешок. Там не было носков. Они у меня закончились. Я не очень люблю штопать носки или вязать. На это уходит чересчур много времени. – Она нахмурилась, пристально осмотрела носки, а потом взглянула на него с подозрением: – Майкл, вы решили отдать Уолли свои носки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.